

An artistic illustration of a man and a woman in a close embrace. The man, with long dark hair and eyes closed, leans his head against the woman's. The woman, also with long hair and eyes closed, wears a patterned garment. The background is dark with some foliage on the right. The overall mood is intimate and romantic.

АЛЕКСАНДРА
КАПЛУНОВА

УЧЕНИЦА
ХОЗЯИНА ТОПИ
сказка с болот

Александра Каплунова

Ученица Хозяина

Топи, сказка с болот

<https://litres.ru/74213579>

Аннотация

Много лет минуло с тех пор, как воцарился в лесу местном Топи Хозяин. Люди к нему на заклятие ходят, со страху трясутся, но все со своими проблемами тащатся. Вот и Веська пошла, как ей бабуся перед смертью наказывала. Сила колдовская, что мучит девичью душеньку, требует усмирения, а куда еще деревенской девчонке податься? На академию и всей деревней денег не соберешь... Вот и заявила к магику, словно ждали ее там, окаянную. Кто ж знал, что у того и без нее нынче проблем в достатке? Впрочем, магиковы проблемы кровушкой девичьей могут и решиться... Вопрос лишь в том, захочет ли та с ней расстаться?

Вторая часть здесь:

* В книге нет упоминания наркотиков и проч. Плашка 18+ и дисклеймер установлены ботом Литнет автоматически из-за принятия нового закона РКН.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	57
Глава 4	74
Глава 5	91
Глава 6	107
Глава 7	121
Глава 8	134
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Глава 1

Болото урчало. Чавкало раззявленными пастями вздувающихся и лопающихся пузырей. Его зловонное дыхание разносил едва ощутимый ветерок. Шелестела высокая трава, словно в ней кто-то шебуршился. Возможно так оно и было. Болотники, кикиморы, бесята, да и другая нечисть обитали в сием месте с лихвой. Еще бы, сколько люда сгинуло в этих болотах, пока стояли те бесхозными топями! Было тогда, кем поживиться. И сейчас хватало. Кто, осмелев, на клюкву в самой топи позарится, кто просто не зная пути собьется да заплутает, тракт-то совсем рядом проходил, да большой дугой болота огибал. А ну как вздумается путнику дорогу срезать, а огоньки уже тут как тут. Ворожат, манят, тащат на зыбкий мох. И не заметит бедолага, как уже по пояс в жиже притоп. А после дело за малым — болотницы, да болотники своего не упустят, вопьются когтями и потащат дальше, голодные.

Веська вот знавала обо всем этом, да все равно на топи пошла, неотступная, как бы ее ни отсоветовали.

— Дура, девка, сгинешь! — кричали вслед бабусины подружницы. — Вот упрямая...

Упрямая. А еще и бабусин наказ помнила — «к Хозяину Болот иди. У него сила могучая, совладеет». Вот и пошла. Собрала скромные пожитки в небольшой узелок, животину распродала, золотишко припрятала под одежду, хату запер-

ла да пошла. А что делать, когда в жилах сила колдовская кипит, а бабуля-травница, что едва о той силе слыхивала, и та к предкам через Пучай-реку отправилась.

Обмирая со страху, кралась Вёська тропкою, про кою у старосты ближней деревни вызнала. Про Хозяина-то здешнего разное говаривали, боялись да почитали, лицом к лицу челом били, а за спиной плевались да хулили. Ведун темный, с нечистью якшавшийся, благом быть не мог. Да токмо случись что, падучая на скот найдёт, али на полях посевы не взойдут в срок, нечисть разгуляется, али похоронную по особливому человеку надобно отпеть, все Хозяина Болот звали. Девицы, сильно смелые, но приданым обделённые, тоже вот на топях встречались. Говорят, за кровь девственную, кою Хозяин в новую луну попивал, много чего можно выпросить. И золота, и тканей расписных.

Тропка в траве едва была отличима, давно ею не ходили, год урожайный выдался, спокойный. Ни полуденниц на полях, ни банников разбушевавшихся, ни крыс по амбарам. Хорошо весной Хозяина Болот задобрили, вот он на лето и постарался защитку на деревеньки поставить. Потому еле-еле угадывалась вытоптанная просителями земля.

Под ногами уже чавкало, сыровато становилось. Пришлось подвязать подол, да прощупывать путь длинным посохом, прежде чем ступить. Лес переливался трелями птиц, колотил дерево дятел, эхо кукушкиного счета разносилось в листве. Весенья прислушивалась, не зашипит ли где, подби-

раясь, какое чудище, не зашуршит ли брюхом змея.

— Помоги-и-и-те, — слышалось едва различимое, то ли писк, то ли вой жалостный, — спаси-и-ите...

Веська остановилась, заозиралась по сторонам.

— Помогии-и-те, — жалобно всхлипнуло где-то справа. И чавкнуло, словно в трясине кто бултыхался.

Вот и как поступить теперича? Бабуся предупреждала, что всеми правдами и неправдами будут тянуть в сторону от тропы. Что хитрый народ, эта нечисть, и в жажде своей человеком полакомиться никаких метод не гнушается.

Послышался тихий плач. Сердечко в девичьей груди екнуло.

— Вот ведь... — прошипела Весенья, но знала уже, что иначе поступить не сможет. А ну как и правда помощь кому нужна, как она потом спать будет в думках, что мимо чужой беды прошла?

Подол потуже подоткнула и сошла с тропы, каждый шаг прежде палкой прощупывая. Земля сырая, но твердая, устойчивая.

Думала поначалу окликнуть, кто там, да поостереглась. Глянет сперва, а там уж решит.

Обогнула деревца, редко здесь растущие, углубляясь в болото. Снова слышался то ли плач, то ли стенания.

Заросли багульника здесь шли полосой, вытянувшись в человеческий рост, потому пришлось аккуратно раздвинуть тонкие веточки. Среди мховой глади разглядеть силуэт по-

павшего в беду не сложно. По подмышки уже притопшая, а судя по длинным волосам под платком, то была все же дева. Она пыталась ухватиться за пожухлую траву, но из-за собственных трепыханий лишь глубже уходила в топь. Теперь уж по лесу разносились рыдания.

Сострадание пересилило осторожность. Веша шагнула через заросли. Веточки, словно и сами опасаясь, пытались остановить, потянули едва ощутимо за косу и платье, но удержать не смогли.

— Не дергайся! Сейчас помогу! — окликнула незнакомку. Та застыла, притихла. Обойти бы сперва, заглянуть в лицо, имя бы выпросить, прежде чем руку помощи протягивать, да только уже под горлышко топь сомкнулась. Коли то человек перед ней, не шибко много времени осталось.

“Ай, пропади все пропадом!” — выругалась про себя, скидывая торбу на кочку. Окинула округу быстрым взглядом, вмиг увидав подходящую корягу. Ухватила за один конец, другой протянула по мху к бедовнице. Кричало чутье, что зря она сие затеяла, что нужно глянуть сперва да имя выпросить. Нечисть-то низшая имен не имеет, назваться никак не сможет.

— Хватай покрепче!

Сомкнулись хрупкие бледные пальцы на коряжке, тиной перемазанные. Охнула Веша, потому как запоздало заметила тонкие перепонки между теми пальчиками. Хотела уже отшвырнуть ветку да деру дать, но не успела. Дернула бо-

лотница, вмиг на мох выскочив, а Весенья вперед челом и полетела, не удосужившись корягу выпустить. Смех огласил округу, а грязища черная по лицу ударила, воздух вышибая, в рот, нос, да в уши забиваясь. Руки вперед выставила, да те сразу в мягкий мох, не имевший под собой опоры, провалились.

Дернулась, пытаясь выбраться из вязкой пучины, голову удалось высунуть, да только едва вдох сделала, на спину что-то тяжелое ухнуло.

— Не уйдеш-ш-ш-шь... — зашипело прямо в ухо, сомкнулись на шее холодные пальцы.

Снова Веша с головой под водой оказалась. Паника прошибла ледяным ознобом, задергалась, что та птичка в силках, погибать совсем не хотелось. Да только в нос заливало смердящей жижей, та уже в глотке стояла, залепила глаза, а пальцы на горле сильнее сжимались, да ко дну толкали. Вцепилась, что было мочи ногтями в державшие ее руки, царапала, била несмотря на мешавшую воду. Да толку...

И когда уже сознание белесыми мушками затопило, легкие огнем загорелись, а в ушах застучало столь нестерпимо, что казалось еще чутка и голова лопнет, услышала в разуме голос бабули...

— “Коли случится что, в беду попадешь, на грани жизни и смерти встанешь, обратишься вовнутрь себя. Помни, Весенья, сила твоя велика...”

Эхо ее голоса звучало сейчас так звонко, что казалось ря-

дом стояла родная.

Замерла Весенья, через силу отринув страх жгучий. Заглянула в себя, как бабуля говаривала, прислушиваясь, да выискивая внутри тот самый источник.

Почувствовала. Да только обращаться с ним не умела. Полон он был силы, что бурлила сейчас, крутилась в тугие спирали, рвалась наружу, не желая гибнуть вместе с владелицей. Обмякла Веша, уступая той силе, вот тогда то и хлынуло через край. Энергия живая, да необузданная, дикая, стремительная и стирающая все границы кругом. Взвилась трясина, разбрызгивая черную кашу. Завизжала болотница, разжимая пальцы, да отлетая от несостоявшегося своего обеда, что тот нашкодивший кот от удара сапога.

— Паскуда! — прокричала ведунья вслед улепётывающей нечисти, отплеываясь от тины. Выкарабкалась на сушу, пока чавкающая чернота снова не потянула ко дну. Перемазанными пальцами попыталась хоть как-то очистить лицо, да только сильнее грязью замаралась.

— Вот будь после такого отзывчивой. Тьфу! — волосы медвяные, все промокшие, налипли путаными прядями кшее и плечам. Платье тоже неприятно теперь холодило тело. Оглядела себя Весенья, да расстроено простонала, словно и сама какой нечистью была, птицы и те поспешили подальше упорхнуть.

— Вот как теперь в таком виде к Хозяину заявиться?

Подумалось даже вернуться к деревеньке, да в баньку к

кому попроситься. Но солнышко уже к западу клонилось, совсем, почитай, времени малеха осталось. Покачала головой. Нет уж, не станет она отступаться от задуманного.

Кое-как обтерлась сухой травой, подобрала свою торбу, палку, да поспешила вернуться на тропу, обещаясь самой себе более ни на кого не оборачиваться.

И то ли болотница уже всем о своей встрече растрепала, то ли просто повезло Весенье, да только даже огни болотные не совались к ней более. Так и дошла до самой топи...

Здесь же, среди небольшого топкого озерца на островке поднималась башня из черного камня. Высокая, крепкая, с плоской крышей и зубцами на самом верху, разглядеть который можно было лишь голову задрав. Замшелая от основания до первых окон, она была велика. Пожалуй, объять ее могли не меньше сотни человек, и то если на вытянутых руках друг от друга встанут.

Через озерцо от тропы, на которой стояла Веська, выстроились мостки, по ним и пошла к тяжёлым двустворчатым дверям.

Не горел в окнах свет, не слышалось ни шороха, ни стука изнутри.

Жил Хозяин один-одинешенек, и подумалось Весенье, как же он в одиночестве может такую башню-то содержать. Тут чтобы только полы намыть не один день уйдет. Этажей, говорят, там великое множество.

Приблизившись к дверям, постучалась. Большой навес-

ной замок-колотушка когда-то медный, был весь закисший да заржавленный.

«Вот уж хозяйственный, кто же дверь входную в таком виде держит», — бурчала Веша в мыслях. Сама она девицей была хозяйственной, всегда за распорядок, да чистоту радела. Когда в доме порядок, тогда и в голове все по полочкам, так бабуся говаривала...

Сами двери, некогда украшенные красивой росписью, теperича лишь облезлой своей сутью гостей встречали.

Стук молоточка утонул где-то в недрах башни. Ответа не последовало.

Поджав губы, Весенья постучала еще раз. И еще. И снова. Пока не стало ясно, что никто ее встречать не собирается.

Потянула на себя дверь.

— Хозяин? — Пролепетала в темноту. Показалось, что дохнуло из башни смердящим дыханием. Пробежались от затылка вниз мурашки. Но отступать Весенья была непривычна. — Есть кто дома-то? — Просунула голову внутрь, прислушиваясь и тут же поморщилась. Пахло преотвратно. — Я вхожу!

Заявила решительно и зашла. Дверь захлопнулась за спиной, чуть подтолкнув под пятую точку. Хорошо, успела руку со створки убрать.

Весенья оказалась в темноте, сжалась вся, теребя в пальцах дерево посоха. Попробовала снова позвать хозяина, но тьма не отзывалась. Пол под ногами был каменный, под

подошвами что-то похрустывало, то ли ветки какие, то ли листва, в потемках не разглядишь.

— Святъ, — произнесла едва слышно, и тут же над правым плечом повис шарик золотистого света. Пожалуй, вызов светляка был одной из тех малостей, что сумела Веша сама освоить.

Поморщилась... Да, не так себе Весенья представляла чертоги ведуна всесильного. Бардак и разруха воцарились здесь во всей своей красе. Перед ней находился круглый прихожий зал, справа и слева в стенах множество дверей, а напротив — проход с лестницей на верхние этажи. Почти весь пол завален каким-то мусором и хламом. Старые стулья, покосившаяся тумба, добротная когда-то с красивым резным узором, на гнутых ножках, сейчас она стояла наперекос. Заваленные стеллажи, где-то на полках книги, где-то вещи, где-то сами полки обрушились и свалилось с них все, что когда-то было сложено.

Нахмурилась Весенья. Да, работы здесь будет немало. О том, чтобы жить в таком вот запущении и не думалось, а что не оставят ее тут, сама себе думать запрещала.

— Есть кто дома? — голос девичий разнесся эхом. Пусто. Никто не откликнулся.

Показалось только Веше, что башня чуть вздрогнула. Словно сама просыпаясь. Зашуршало сквозняком, качнулась немного дверь слева, вторая по счету, да отворилась со скрипом.

По полу взметнулось, да тут же осело застарелой пылью. В носу засвербило, и Воська, не сдержавшись, чихнула.

Ну да делать нечего. Коли дверь открылась, чтоб в нее не пойти? Так рассудила девица, да двинулась дальше, обходя разбросанное, недовольно головой качая, на такой беспорядок глядячи.

За дверью оказалась... кухня?

— Мать честная... — Торбу даже из рук выпустила.

Огромный стол, посреди помещения стоявший, был весь грязной посудой завален. Где-то даже с остатками еды, несвежей и едва узнаваемой, покрытой корочкой синюшной плесени. Добротная столешница едва виднелась под слоем тарелок, мисок, бутылок и кружек. Весенья даже рот ладонью зажала, чтобы не завопить от такого бесчинства. Не любила Воська бардака, но это... Это и бардаком-то было называть сложно.

— Свинство... Какое же свинство.

В распахнутых шкафчиках картина оказалась не лучше. Множество разных припасов распиханы черт-те как, разве что не насильно всунуто.

— А, нет, насильно тоже, хорошо, коли ногами не заталкивали...

Там горшочки с крупами опрокинуты, здесь банка с медом подтреснула и содержимое ее течет прямиком на мешочки с сухими листьями смородины... А сколько на столешницах грязной посуды...

— Ну ладно, — протянула Веша, — ла-а-адненько...

Вернулась в прежний зал и вот интересно... Прохода к лестнице, словно и не бывало. Удивленно поведив ладонью по каменной кладке, где прежде тот значился, Весенья задумчиво вздохнула. Попробовала и другие двери, но те оказались закрыты. Посему пришлось воротиться в заваленную посудой кухню.

В дальней части ее обнаружилась небольшая комнатуха, служившая, видимо, когда-то кладовой. Здесь Веша наскоро переделась, подвязала рукава, волосы вычесала, в косу закрутила, нацепила найденный тут же фартук (единственное, наверное, что было в этой кухне чистым) да вышла обратно.

— Если я рассчитываю здесь остаться, в таком гадюшнике точно жить будет не с руки, — задумчиво оглядывая масштабы работы, девушка прикидывала, за что взяться первым.

В помещении было сыро и как-то промозгло, потому выбор перво-наперво пал на очаг. Тот был огромен и, пожалуй, мог вместить хорошего кабанчика. Расположенный прямо в стене, словно раскрытая пасть, он чернел, заваленный не пойми чем. Видимо, топили его, чем придется.

Чтобы выгрести все не догоревшие поленья, а после и золу, пришлось приложить немало усилий. Чихая и фырча от поднятой пыли и пепла, Веша про себя костерила хозяина всего этого добра.

— Вот надо ведь так запустить свое жильё?

Прошло не меньше пары часов, прежде чем огонь в очи-

щенном очаге порадовал теплом. На стенах заплясало рыжим пламенем, его отсветы затанцевали мелькая и словно бы тоже радуясь возможности двигаться куда как свободнее. Стало ощутимо теплее, но отдыхать было рано.

Посуду разгребала нещадно, кинув прямо на пол найденную в кладовке холстину. Каждую чашку рассматривала, прикидывая, что еще можно спасти, а с чем мороки будет через край. И как бы ни старалась, плесень почти везде въелась настолько, что вывести ее с посуды можно было бы только чудом.

Когда на холстине уже гора возвысилась, Весенья связала углы в большой узел, да выставила за дверь, узнает потом у хозяина, куда он все лишнее выбрасывает. Теперь предстояло отмыть остальное.

Подошла к большой раковине, тут и кран имелся для воды, как в господских жилищах.

— Во-до-про-вооод... — уважительно протянула девица, вспоминая модное словечко. Сама-то дома посудку в лохани мыла.

Раковина, впрочем, только угадывалась. Подозревалось Весеньюшке, что Хозяин Болот был еще и Хозяином Засранска.

Хихикнув мелькнувшей мысли, Веша взялась разгребать завал. Усталость, конечно, уже свое брала, но девушке было не привыкать к работе. В деревне живя, когда только старушка с тобой вместе, хочешь не хочешь, а трудиться при-

выкнешь и в поле, и дома.

Пяток часов спустя хозяйюшка, наконец, присела на треногий табурет, устало откидывая с лица мокрые пряди волос.

Сказать, что закончила, Веша бы точно не смогла. По-хорошему, тут бы еще несколько раз все как следует перемыть. Благо водица текла по трубам теплая, таскать да кипятить не приходилось.

Но, чудилось, и так уже сама кухня задышала иначе. Все больше Веше казалось, что все здесь магией напитано, и башня словно бы благодарна девушке за наведенную чистоту. Вот и вода полилась веселей. Шкафчики скрипеть вдруг перестали, а провисшие дверки ровно закрылись. Все нужное само под руку попадалось.

Вода в чайнике закипела, засвистела начищенным свисточком, зазывая к заслуженной трапезе.

Открыла окошко печи, обнаружилось, что и лепешки уже доготовились. Приятный запах свежей выпечки наполнил комнату.

Заварила смородиновые листья, какие удалось спасти, разложила лепешки на глиняную тарелку.

Немного подумав, решила все же и меда взять из шкафа. Заслужила же она за уборку покушать хорошо? Коли не ее работа, пропал бы тот мед. Так не все ли равно, она съест, али он весь попросту вытечет.

Но только села, взяла в руки первую лепешечку, медом прилитую, как вдруг потемнело в кухне. Ненадолго, но успе-

ла Веся вся обмереть.

А как свет воротился, глаза девичьи и вовсе округлились.

Спиной к ней, прямо перед очагом стоял мужчина. Волосы длинные, сам высокий, ладный, в плечах широк, в бедрах узок. Руки сильные, тугими жгутами мышц оплетенные. И все бы ничего, да только голый он был. В чем мать родила.

Выпала из ослабевших пальчиков лепешка, а рот и вовсе не хотел закрываться.

— Интересно... — тихо вымолвил тем временем мужчина, все также не поворачиваясь к ней. А Веша и не знала, чего ей сейчас больше хочется, чтобы поворотился или самой под землю провалиться.

Бесстыдник же, словно не доверяя глазам своим, провел рукой по камням вокруг очага. Их Веша тоже от копоты надраила. А после влево голову обернул, ее пока не приметив. Столешни незапятнанные углядел, лохань для мытья посуды пустую. Посуду эту самую, чистую теперича. Шкафчики прикрытые, а не внутренностями развороченными наружу пестревшие.

Повел головой, принохиваясь словно. И вот теперь уже повернулся к Весенье, всей своей наготой.

Красивый. Глаза под черными бровями желтые, словно звериные, нос прямой, скулы высокие, как у тех господ. И смотрит так свысока...

А у Вешы-то взгляд с лица сам собою сполз на грудь широкую, по животу рельефному с бледной кожей, ниже, по ко-

сым мышцам, что переходили к самому интересному.

Щеки обожгло. Сглотнула, пытаясь вспомнить, как дышать. В головушке бедовой металось все, а сердечко и вовсе испуганной пичужкой забилося. И взгляд бы надо отвести, да тот словно приклеился. Не видела Веська прежде такого, чтоб вот так, вблизи.

— Тебе, может, поближе показать? Так давай, я подойду, — вкрадчиво промурчал этот кот-обормот в человечесем облике, да и правда к ней шагнул.

Веша икнула, наконец сумев взгляд отвести.

— Н-н-ненадо, — головой покачала отрицательно и для пущего эффекта зажмурилась.

— Как же не надо, когда ты так смотришь? — голос раздался уже у самого уха и будто бы со спины, хотя их прежде вся кухня разделяла.

Взвизгнув с испуга, Весенья подскочила. Обернулась. Мужчина был совсем рядом. Склонялся к ней, оскалившись в хищной улыбке внезапно треугольных зубов, да сверкая засветившимися глазищами.

— Ты откуда здесь появилась, милая? — а сам обнюхивает ее, от лица медленно носом к плечу спускаясь. И разделяло их всего ничего, Веша даже дыхание его теплое чуяла на коже.

— И-и-и-и! — Запищала, отскакивая с места, да лавку опрокидывая. С плеча полотенце стянула, да что было сил наглеца хлестнула. Хорошо приложила, от души. Да только

полотенчиком несчастное, до мерзавца и не долетело, испепелилось в ту же секундочку. Лишь и успела Весенья из рук тлеющую тряпицу откинуть, пока жар до ее пальчиков не добрался.

— Пахнет как вкусно, — хотелось бы думать, что про аромат еды, да отвара говорил, да только взгляд его был к ней самой прикован. И скалился снова. А Веша теперь уже от зубов его отвернуться не может. Все как один — треугольные. Острые даже на вид. Так и представилось, как способны легко кожу пронзить. Конечно, а как еще то кровь девичью пить.

Некстати подумалось, что и сама Вешка девица еще. А значит, и ее кровушки окаянный может захотеть отведать. Да только она же здесь не за золотом.

Что пред ней Хозяин Топи и гадать не пришлось. Так и описывали его, высокий, красивый обманчиво, статный весь из себя. Девицы, что к нему хаживали, говаривали, что и сами рады кровушкой поделиться за встречу с этим гадом лесным.

— Д-д-да, лепешек вот испекла, изволь отведать... — попыталась Весенья свернуть на более безопасную дорожку.

Улыбка Хозяина еще шире стала. Да и улыбка ли? Оскал...

— Вижу, похозяйничала, — засмеялся глухо, — но не слышала разве, что кровь девичью предпочитаю, твоя вот... — снова оказался совсем близко. Словно перетек тенью вмиг, — сладко пахнет. А как бьется, — он коснулся ее чер-

ным гнутым когтем указательного пальца. Прижал бьющуюся на горле жилку, — прямо вот здесь, — нажал остро, отчего Веша снова вся вздрогнула. А после слизнул алую каплю, повисшую на кончике когтя его. Да взгляд при всем этом с нее не спускал.

Веша заторможенно как-то провела пальцами по шее, понимая, что он проткнул ей кожу.

Сглотнула.

Ну нет, напугать ее вздумал? Знала Веша, бабуля говорила, что Хозяин нелюдим и уединение свое ценит пуще всего прочего. Что только нахрапом его взять можно, трусости не стерпит.

— Ты это прекрати! — И ногой притопнула, как дома репетировала. Готова была к тому, что пугать ее начнет. А чего еще ждать-то? Гостеприимства точно не стоило. — Я Весенья из деревни Большие Липки, пяти дней отсюда. И пришла сюда учиться ведовской науке.

А внутри вся тряслась, как осиновый листочек. Да и не внутри тоже. Пальцы в кулаки сжала для надежности. Надолго ли хватит ее стойкости? Токмо и спасалась мыслью, что не слыхивали еще о людях, которых ведун бы без причины весомой со свету сжил...

Хозяин выпрямился, ухмылки с лица не стирая, облизнулся, размазывая по бледным, синеватым даже, губам алый след.

— Весенья, — выдохнул, словно пробуя теперь на вкус ее

имя.

Тотчас саму ее пронзило что-то теплое. Дрожью ласковый жар прошел от затылка по спине, растекаясь по каждой клеточке тела. Стало душно, выдохнула шумно, не понимая, что происходит. Нити жара сплетались внутри натягивая ее в тетику.

— Я... перестань, — попросила, хватаясь за край стола. Возмущение бунтовало где-то на границах разума, крича наперебой с удивлением.

Тяжело было думать, хотелось только смотреть в светящиеся желтые глаза окаянного. А тот словно заворачивал ее, покачивался из стороны в стороны, проверяя, насколько взгляд ее к нему прикипел.

— Весеньюшка... — Сам снова приблизился, потянулся длинными пальцами, расстегнул верхнюю пуговку ее сарафанчика, чтобы ткань с плеча совлечь, — сладкая девочка — весна...

Голос его звучал так нежно. И противиться действию сему совсем не хотелось. Пусть бы и выпьет ее досыта. Боли даже не ощутила, когда зубы острые кожу пронзили, охнула только от того жара, что в теле ярче стал.

А кот этот жмурился довольно, вкушая ее.

«Не вздумай ему даваться!» — бабулин голос в голове прозвучал со всей строгостью. Тут же и жар сгинул, а зубищи в коже болью отозвались.

За миг до удара и сам Хозяин, казалось, ощутил неладное, да только сила Вешкина, уже успела развернуться, да шарахнула по кровопийце, что было мочи. Стол с лепешками полетел навзничь, с грохотом протащился по полу. А сам хозяин тенью взметнулся, окутывая сумраком все пространство. Затмил огонь очага.

— Ведунья!? — зашипел, не то спрашивая, не то утверждая. — Убирайся!

И мрак густой в ноздри да в рот потек, удушая.

Схватила Веша за лицо, замотала головой.

— Не уйду! Я учиться пришла!

— Прочь! — Загремело со всех сторон одновременно. Из темноты нависло на нее чудище. Словно псина бешеная, пасть раззявив, на нее глядела. Слюна с зубов окровавленных капала, глаза красным пламенем светились, шерсть черная вся шевелилась, точно на ветру. — Уходи!

И зарычало утробно, заскрежетало когтями.

— Я учиться пришла, — уже скорее пропищала сдавленно, чем прокричала. Хотелось в комочек сжаться да спрятаться куда.

Псина сделала шаг, заревела уже, расползаясь, чтобы через миг взметнуться тучей воронья. Черным облаком клювов и перьев устремила на нее стая, царапая, дергая за волосы, опрокидывая на пол.

Закричала Весенья, пряча лицо в ладонях. Снова шарахнула сырой силой.

— Меня! В моем доме! Дважды?! — сгустилась тьма, зазвенело тишиной. Секунда прошла, другая, как вдруг снова загрохотало все кругом, закружило вихрем, и вой, и стон слышны были в этом сумасшествии. Рвало с нее одежду, дергало за ноги, за руки, за волосы. — Убирайся! — Ревело громко, оглушая, — Пошла вон!

Среди вихря беснующейся тьмы ярким маяком забрезжил свет выхода. Дверь на улицу была отворена, лунный свет буквально молил ее образумиться и выйти из башни.

Веша ползком двинулась к распахнутой двери с каждым движением ощущая, как усиливается вихрь. Снова и демоническая морда преисподнего пса замаячила, клацая зубами совсем рядом, грозясь с каждым следующим достать да оттяпать несчастной какую-нибудь конечность. Снова воронье за волосы задержало.

— Убирайся! — кричал прогневано Хозяин из тьмы, словно везде одновременно будучи.

И Веша ползла к выходу. Еще немного и свет коснется ее лица. Сотрет тьму.

Да только едва у двери оказавшись, ухватила за ручку, подтянулась, на ноги подымаясь, и... захлопнула ее. Оставшись внутри.

— Я учиться пришла! — зывала, уже ревя от страха, не находя в себе сил терпеть и давая слезам волю. — Не уйду!

Зажалась вся, сползая спиной по стене, поджимая колени к груди и прячась от ужасов.

Стихло. Только слышно было, как всхлипывает тихонько замученная.

— Так ты ее до приступа доведешь, Лесьяр, хоронить придется. Это через все болото тащить, а то ведь Базан поднимет себе в свору и тогда точно покоя тебе не будет, — послышалось насмешливое.

— Заткнись, Мрак, — проворчал Хозяин. Веша вновь вздрогнула. Голос раздался совсем близко. Подняла голову. Кухня сызнова в распорядке обнаружилась, даже стол на месте стоял и лепешки на тарелке разлеживали.

Хозяин сидел перед ней, в одном локте всего, одетый, в длинном черном облачении, золоченой нитью письменами расшитый. Сидел на корточках, подпирая ладонью левую щеку, с явно обреченным выражением на физиономии.

— Уходи, по-хорошему, а?

Веша вытерла ладошкой лицо от слез и головой помотала.

— Да не уйдет она, — на столешне рядом с противнем, на коем вторая порция лепешек остывала, сидел черный ворон небывалых размеров, — ты, почитай, ее и так и этак запугивал, а она вон дверь захлопнула у себя перед носом, — ловким клювом птиц подцепил лепешку и подкинул, а после проглотил в один присест. Довольно крякнул, — ох, не уйдет.

Веша тоже крякнула. Или всхлипнула. Мало ей на сегодня? Теперь еще и зверье говорящее ее стряпню уплетает.

Хозяин покосился на ворона недовольно. Протер лицо ла-

донью, вздохнул тяжело. Поднялся.

— Мне учиться надо, — из последних сил проговорила дрожащим голосом. Боязно было. Морда клыкастая до сих пор перед глазами стояла. Но коли уйдет сейчас, где ей еще учителя искать? А сила с годами только расти будет, пока бед не наворотит. Как говаривали, в одной деревеньке так вот маг не ученый жил, чихнул раз и избу снес. Другой с испуга все поле выкосил вместе с сенокосцами, его и самого потом вздернули. А ежели еще до беды в столице прослышат про неученую силу, так пришлют ученого и источник ее выдерут заживо. Да только для магика источник его есть часть самой души. И не ощутишь себя никогда целостным без ее то куска, ни покоя, ни счастья не видать. Не хотела Весенья себе такой судьбы. Хозяина тоже боялась, да только уже решилась, а значит, несмотря на страх леденящий, до конца пойдет.

Маг на ее реплику токмо глаза закатил.

— Свалилась на мою голову. Кто только тебя сюда отправил? Не знаешь разве, что к Хозяину Топей лучше лишний раз не соваться? — Он вновь склонился к ней, от чего Весенья вся в стену вжалась. Близко был совсем, волосы его длинные, черные полотном развесились, до ее коленок касаячи. Глаза желтущие, светящиеся, глядят пристально, чуть прищурившись. Губы в линию сжал. Недовольный.

— Бабуся сказала. Некуда больше... Сила беснуется... — вымолвила едва слышно, чуя, как озноб тело сковывает, а в

ушах все сильнее колотится, вот уж и мушки белые замелькали. Так, поди, со страху, и в обморок хлопнется.

— Сила у нее беснуется, — выдохнул сердито. Руку вот протянул к плечу, стало быть, из которого сам кровь и пил. Стер с кожи алые росчерки, ворот обратно натянул. Веша сидела все также недвижима, едва помня, как дышать. — Вот и учила бы тебя твоя бабуса, раз такая умная, — и палец, коим рану ее стер, в рот сунул, словно снова на вкус ее пробуя. Кровопийца.

— Померла она... и у ней самой силы было чуть. Не сумела выучить.

Хозяин вроде и не слушал ее уже. Распробовав Вешкину кровушку, он словно первый раз на что-то в ней внимание обратил.

— Мрак, иди-ка сюда, — и сам руку перехватил Вешкину, с пола ее поднимая.

Ворон одним махом перелетел на стол, черные глазки бу-синки внимательно разглядывали девицу. Хозяин развернул девическую ладошку вверх и мигом проткнул мягкую кожу. Не показалось, значит, Весенья, что не человечесьи ногти у него были.

Когтем же каплю собрал, а пальцами другой руки стер ранку. Словно и не было. Весенья сама свою ладонь схватила, во все глаза глядя на чудо такое. Раз и нет ранки, просто стер ее.

Ворон же клюв раскрыл, а маг туда ему прямо каплю

страхнул, на тонкий розовый язычок. Ясно, все они тут кро-
вопийцы. На всякий случай Веша шажок назад сделала.

Ворон клювом пощелкал, на языке смакуя.

— Ну ничего себе, — воскликнул удивленно.

— Значит так, — Хозяин будто только и ждал этой реак-
ции от своего спутника. Повернулся к ней, резко так. Вешка
снова вздрогнула и еще назад отшагнула. — Так и быть. Мо-
жешь остаться, — он сощурился, оглядев окружающую об-
становку, наверняка что-то паскудное обдумывая, — приве-
дешь в порядок всю башню, чистоту устроишь, вещи вычи-
стишь и разложишь, починишь мебель. И готовить будешь
Мраку и гостям.

— Гостям...? — эхом отозвалась Веша. Это какие такие
гости у него бывают?

— Гостям-гостям, — с каждым словом губы его во все
более широкую улыбку растягивались. — потолки везде вы-
белишь. Где нужно — законопатишь. Плесень снаружи ви-
дела? — Веша кивнула, — выведешь.

— А учиться...? — представляя масштабы работы Веша
уже вся заглодела. Можно ее саму, как холодильный погреб
пользовать.

— Учиться... Как порядок наведешь, так и поговорим, —
хохотнул, — и только попробуй пикнуть, что устала, что не
можешь, али что не нравится чего. Сожру, — и зубы оскалил,
которые прямо на ее глазах из обычных человеческих снова в
треугольные вытянулись. — Все поняла?

Весенья поспешно закивала. Да, непросто ей тут придется. Да только трудиться она привычна, а идти больше некуда. Да и не век же ей башню прибирать. Рано или поздно закончит. А дальше уж порядок поддерживать несложно.

Глава 2

— Спать здесь будешь, — они вернулись в холл, тут маг подвел ее к двери. Та раскрылась под его взглядом, недовольно скрипя. Шагнул в сторону, показывая Веше будущую ее комнатку. Та была узкой, от одной стены до другой вытянутыми руками достанешь. К тому ж хламом заваленная от пола до потолка. Деревяшки какие-то, вроде как мебелью бывшие, швабры, ведра, коробочки и мешочки. Кладовка, одним словом.

«Ну, и пусть так. Ничего. Все равно не уйду. Посмотрим еще кто кого», — решила про себя, зубами тихонько поскрипывая.

А маг вроде как только и ждал ее реакции, смотрел так пристально, даже согнулся слегка для того. А ну как оцетинится, перину затребует, вот тогда-то он ее взащей и выставит. Но девица молчала. Сопела только, как еж сердитый. Забавная.

— Начнешь с этого этажа. Как здесь закончишь, башня сама тебя дальше пустит. Бери, что надобно, — задумался, почесал в затылке даже, ероша волосы, с лицом таким ехидным, — ну или что найдешь, — и голос такой ядовито-смеющийся. Словно знал уже, что ничего-то толком она не сыщет. — Ежели гости придут, имени своего не называй, касаться себя не позволяй, обещаний не давай. Все поняла?

И снова впритык к ней оказался. Веша в стену вжалась, не в силах от глаз его взгляда отвести. Вот треклятый.

— Поняла, спрашиваю? — прошелестел прямо в лицо, глазами своими громадными в самую душу девчужке заглядывая, та поспешно кивнула. — И что, все устраивает? — словно бы с надеждой добавил.

— Устраивает, — уже твердо заявила и сама вперед подалась. И как только расхрабрилась?

— Устраивает... — эхом отозвался, в оскал улыбкой растягиваясь, да облизываясь, голову еще этак вбок наклонил, ее внимательным взглядом обрисовывая. Тут уж храбрость Вешкина вся куда-то подевалась. Дыхание затаила, глаза вытаращила, принуждая себя взгляд не отводить. В ушах уж стучать принялось в такт рвущемуся через ребра сердечку. Да только миг спустя исчез Хозяин. Словно и не было. Раз! и растворился в воздухе.

Сползла Весенья на пол, лицо в ладошках пряча. На что подписалась? И так жалко себя стало, так плакать захотелось после ужасов этих. Всхлипнула уже, да только тут же зло слезы со щек отерла, поднялась стремительно. Нет уж! Чего нюни разводить взялась? Остаться ей дозволили. Работой загрузили? Так должна же она за учебу чем-то отплатить! В школах для магигов вон сколько деньжищ требуют! Потому без жалоб сделает она все, что надобно. Расплатится с благодарностью и плакать не станет.

— Ночь уже, девка, спать ложилась бы, утром за работу

возьмешься, — а ворон-то туточки остался. Глядел на нее из-под потолка, точно оценивая.

— Весенья я, не девка, — сказала строго. Ладно Хозяин Топей к ней обращался, как хотел, но птице, пусть и говорящей, она такого не позволит.

— Девка и есть, али у тебя под платьем сюрприз какой прячется? — ехидно рассмеялся паскудник, перелетая с потолочной балки на стеллаж, поближе к девушке.

— Ничего у меня там не прячется, — опешила та, даже тон строгий растеряла.

— Ой, а надулась-то! Как мышь на крупе, — смеялся он хрипло, вперемешку с карканьем.

Отмахнулась от пернатого и в кухню обратно пошуршала. В комнатенке, что Хозяин ей отвел, сперва прибраться надобно, а Весенью вдруг так усталость сморила, что, казалось, прямо посреди зала и шлепнется.

Дверь в кухню услужливо отворилась, приглашая войти. Полыхнул ярче огонь в очаге. Али виделось то Весенье? Разберется со временем. А теперича поспать надобно.

Придвинула лавку к стене, из торбы плащ выудила, ее саму под голову сунула, а плащиком накрылась. Да так в сон и провалилась. Три раза сегодня силу излила, а прежде иногда и одного хватало, чтобы с ног свалиться.

Уже за полночь вновь явился в кухню хозяин. Покачал головой недовольно, на девицу глядя.

— Молодая совсем, едва ли не дитя, — прокряхтел во-

рон, встряхиваясь ото сна. Спал птиц здесь же, забравшись на балку под потолком.

— Не дитя уже, весен двадцать почитай на вкус, — Хозяин склонился над спящей, вглядываясь в насупленное лицо, усмехнулся... Казалось, даже во сне она была готова давать отпор. — И смелая, — протянул руку и, едва касаясь, убрал с лица Веши спутанные прядки, — глядишь, не придется боле с других сцеживать.

— Ты-то только и рад. Смотри не забудь, что по доброй воле от чистого сердца должно быть.

— Ты кому напомнить решил, пернатый? — ворон устроился у мага на плече, и тот щелкнул его по клюву.

Вместе они покинули кухню. Вид у обоих был как нельзя довольный.

Проснулась засветло. Бледный золотистый лучик только-только в окошко поскребся.

Села на лавке, сонно растирая заспанные глаза. Огляделась, в себя приходя, да вспоминая, где вообще оказалась. Вчера только рассвет на крыльце родной хатки встречала, а сегодня вот — в логове Топи Хозяина... Угораздило же с таким даром на свет родиться!

Поднялась, умылась наскоро, да поспешила на улицу, к ежеутреннему своему ритуалу — солнышку, встающему, поклониться, как бабуся учила.

Ласковые лучики коснулись лица. Тепло их проникало прямо под кожу, наполняя все естество энергией и трепет-

ным предвкушением грядущего дня.

— Доброго утра, — поклонилась, принимая новый день. В свете его топь уже не казалась столь ужасной. Среди зеленых кочек и мутноватой зеленой воды то здесь, то там поблескивали белизной лепестки кувшинок. На крупных их листьях грелись на солнышке стрекозы, кваканье лягушек раздавалось отовсюду, где-то вдалеке распевали свои песни мавки. Весенья даже заслушалась тягучими девичьими голосами, но вовремя спохватилась и поспешила вернуться в башню, пока болотные девки не околдовали песнопениями. Снова оказавшись внутри, Веся угрюмо огляделась. Работы предстояло немало — все в этом месте пропахло сыростью, плесенью, оплелось паутинами, да припорошилось пылью. Если вчера в вечернем полумраке Веша не в полной мере разглядела весь тот кошмар, что ей теперь предстояло разгрести, то сейчас, на свету, узрела всю картину. И подивиться было чему. Те двери, что прежде стояли плотно закрытыми, сейчас распахнулись настежь. И в сравнении с тем, что Вешка лицезрела вчера в кухне, развал этих комнат не шел ни в какое сравнение. В первой, куда она заглянула, оказалась то ли знахарская, то ли еще для каких опытов отведенная комната. Об этом говорил огромный каменный стол, заваленный побитыми стеклянными пробирками, да керамическими ступками. Веша и сама такие пользовалась, когда зелья всяческие готовила да эликсиры. Множество стеллажей вдоль стен пестрели бутылочками, баночками и коробочка-

ми с надписями на непонятных языках. Книги валялись на полках и даже на полу.

— Бардак, — вздохнула обреченно и пошла к следующей двери.

А туточки, похоже, когда-то значилась библиотека. Такого количества книг Весенья в жизни своей не видывала. Дивилась теперь — ну как можно так халатно да недостойно с книгами обращаться? В ее родной деревеньке любые издания считались знатной роскошью, их привозили с ярмарок из больших городов, передавали из рук в руки, хранили трепетно. Обучаться грамоте было делом непростым, но бабуся Весеньюшку натаסקала. И теперь, стоя на пороге библиотеки, Веша качала головой, да рот ладонью зажимала, дабы бранью не разразиться.

— Как так можно-то, — в голосе девушки слышалось горькое удивление, — богатство какое, а он вот так...

Да, не укладывалось в ясной головушке, как подобное возможно. Дала себе Весенья зарок, что приведёт здесь все в такой порядок, какого эта башня разнесчастная отродясь не видывала. К следующей двери подходила уже с большей решимостью, этакая злость её взяла после библиотеки захлавленной, что уж и руки зачесались поскорее начать в этом месте приборку.

Здесь уж обнаружилась спальня просторная. Кровать широкая, что Вешка могла лечь, что вдоль, что поперек, и ещё бы три девицы уместилось. Но туточки царил кавардак —

плотным слоем лежала на полу пыль, ветхие шторы испещрены дырами, обивка стульев, вся истрепанная, боролась с торчащими пружинами, ковёр, поеденный плесенью и, вероятно, молью, походил уже на старую тряпицу.

Подумалось Веше, что, быть может, после уборки позволит ей Хозяин Топи в этой комнате поселиться, вместо того чулана. Хотя сейчас девица и сама бы не рискнула здесь спать.

— От пыли быстрее задохнешься, — поцокала языком, — это ж надо так, он что, в этих комнатах вообще не бывает?

Никак в её голове не укладывалось, как можно собственный дом в такое запустение привести.

В следующих комнатухах ничего интересного не обнаружилось. Какие-то шкафы, какая-то мебель, все свалено в кучи, что-то сломано, что-то уже ветхое настолько, что никуда и не сгодится.

— Нужно бы узнать, куда весь хлам девать, — почесывая в затылке, размышляла девушка вслух, — и как, он думает, я должна все это выволочь? — некоторые шкафы перекошенные возвышались на два ее роста. Сами все в трещинах, разломанные, точно не починишь.

Но унывать Веша не собиралась. Не зря же вчера столько страху натерпелась, чтобы теперь на попятную идти. Нет уж, этому ироду она ещё покажет, возомнил себя невесть кем! Здесь помой, там приberi, а я за то твоей кровушки отопью. Ну да Весенья еще своего добьётся. Она-то обещанную часть

уговора легко выполнит, чай, не белоручка! И тогда-то уже маг не отвертится, придется ему за её обучение взяться.

Первым делом, закатав рукава, Весенья отправилась искать необходимые инструменты. Среди кучи швабр, разных тряпок и прочего хлама оказалось сложно найти что-то действительно целое.

— Это развлечение что ли, швабры ломать? — бухтела, перебирая в кладовке, — шутки такие?

Но Весенья, не будь собой, таки сумела соорудить необходимый инвентарь.

— Да, — вздохнула, обозревая масштабы катастрофы. Ну, да перед смертью не надышишься.

Она вышла из кладовки, оглядела просторный холл. Пол устилали сухие листьями да ломаные ветки, которые, вероятно, занесло сюда с улицы. Под ногами хрустел то ли песок, то ли сухая земля.

Постояла, губы покусывая, да ножкой в раздумьях притопывая. Нужно решать, за какую из комнат взяться первой. Вздохнув, Веша решительно шагнула в захламленную библиотеку. Не выдержало девичье сердечко такого паскудного обращения с книгами. Полки стеллажей на поверку оказались достаточно прочными, потому, прибрав на них, Веска поспешила составить все разбросанное с пола. И часа не прошло, как книги водрузились на полки, а девушка с чувством собственного достоинства рассматривала результаты

своих трудов.

— Вот так бы сразу, — улыбнулась, глядя на ряды корешков.

Дальше предстояло навести чистоту и красоту, чем девица и занялась. К полудню, когда спину уже ощутимо ломило, поди постой кверху задом столько часов, полы намывая, Веша все же решила на небольшой перерыв. Только сейчас она сообразила, что даже не позавтракала, а урчание в животе стало дополнительным тому напоминанием. Вспомнились давешние лепёшки, которых она так и не отведала. Интересно, ворон их не все слопал?

Зайдя в кухню девчушка в который раз подивилась тому порядку, что здесь воцарился. Никак не могла она понять, каким таким мановением магик сумел вернуть все на свои места? Она ведь вчера все размела в разные стороны. И почему же до того не мог он навести в этом месте порядок тем же образом? Впрочем, все эти вопросы задать можно и позже, а сейчас стоило поставить чайник на огонь, да как следует подкрепиться.

Ближе к вечеру, когда солнце уже скрылось за кронами деревьев, а голоса леса стали стихать, Весенья вернулась к своей каморке. За весь день она успела разобрать библиотеку, окончательно привести в порядок кухню да сварить из найденных здесь же припасов сытную похлёбку. Хозяин ведь не говорил, что ей нельзя трогать съестное, напротив, упоминал, что ей придётся помимо уборки еще и кашеварить.

И пусть сегодня не было ни гостей, ни ворона, она сама то должна чем-то питаться?

Хозяина Топи весь день было не видно и не слышно. Возможно, то и к лучшему, не знала Вешка, как себя с ним вести. Станные чувства вызывал он в девичьей душе. Красив без меры да столь же и опасен...

В часы, проведенные за работой, у Вёски выдалось довольно времени в голове прокрутить все давеча произошедшее. Она, конечно, по природе своей не робкого десятка была, за себя постоять умела, но Хозяин все ж в своем желании ее выгнать грозно выглядел. Откуда только в ней столько храбрости взялось, чтоб ему перечить? Но гордилась собою, не отступила, справилась. Теперь дело за малым — удержаться.

На следующий день все повторилось, разве что библиотека сменилась на спальню. Веша надеялась спросить Хозяина, когда тот, конечно, объявится, нельзя ли перебраться сюда. В каморке не было окна, а старый тюфяк пришлось положить прямо на пол. Благо хоть мышей в башне не водилось, не любила Вёска этих мелких грызунов. Бегают во мраке, шуршат своими крохотными лапками да попискивают. А хвосты длинные только ведьмам в зелья и годятся.

Небо уж закатом застилало, когда Хозяин на пороге возник со своим вороном на плече сидящим.

— Здесь ещё? — насмешливо спросил мужчина, — я-то надеялся, что передумаешь.

— Работы не побоялась, — прокряхтел ворон, перелетая на балку.

— А чего её бояться, — хорохорясь подбоченилась Весенья, — чай, я не белоручка какая. Мы, деревенские, к труду приучены.

На эти её слова ворон вместе с магиком рассмеялись. Вешка на то обомлела буквально, ведь после давешних страхов видеть Хозяина Топи смеющимся столь искренне странноватым виделось. Лицо его преобразилась невероятно, из хищного да угловатого, просветлело. Не выглядел он сейчас таким грозным, как в первую их встречу. Прошел мимо нее, шелестя полами темно-зеленой мантии. Ткань одеяния добротная, по вороту и поясу серебряной вышивкой украшена, Веша такое только у господ видала.

— Знала бы ты, ведьмочка, сколько белоручек в этой башне побывало, — прокряхтел пернатый из-под потолка, — сколько их здесь остаться желало, дабы во злате да серебре купаться. Сказывают сначала друг другу небылицы, а потом ждут, что их, таких распрекрасных, с распростертыми объятиями принимать готовятся.

Последнее словно с укоризной сказано. Да поглядывают на нее искоса.

— Мне ни злата, ни серебра не надобно, — заявила решительно, едва ли ногой не притопнула.

— Что, и нарядов не попросишь? — и бровями своими удивление выказал. Вот ведь... колдун.

— Не попрошу. Мне учиться надобно.

— Слыхал, Мрак, не попросит, — усмехнулся магик.

— Погоди еще, не вечер, — прокряхтел пернатый, — последняя тоже в невесты набиваться не собиралась.

Весня на то опешила, глаза даже выпучила, от возмущения не в силах слов подходящих подобрать.

— Ну, тише-тише, так часто дышать будешь — в обморок свалишься, — похлопал ее по плечу магик, участливо девице в глаза заглядывая. На лице его, впрочем, больше смешливости было, нежели сострадания.

Весня губы в тонкую линию сжала, да хмурым взглядом сперва одного, а после и другого смерила.

— Сказала же...

— Что пришла сюда учиться, — перебил ее Хозяин, уже откровенно потешаясь, — ладно, не бери в голову, коли так, — а после и вовсе тему перевел, — сегодня жди гостей, помни только, о чем я тебе говорил, коли беды не хочешь.

— Гости? — переспросила слегка растеряннo, на что Хозяин токмо в очередной раз бровью повел, мол, обсуждали ведь.

— Ты, часом, не хвоя? — спросил с сомнением.

— Ничего не хвоя, — в себя приходя, отозвалась Веша. И, теребя в руках край передника, вспомнила все ж его наказ давешний, — обещаний не давать, имени своего не называть, касаться не позволять.

Магик скривился, но кивнул. Отошел от нее, наконец, от-

чего Вёська вздохнула облегченно. Все ж с ним рядышком странно ощущалось, волнительно как-то. Точно сам воздух гуще делался, а сама она в пружинку тугую сворачивалась.

— Ничего себе, — магик тем временем заглянул в библиотеку, — и правда ведь убралась! Я сюда и не ходил давно, как здесь бардак устроили так и смотреть не мог, — добавил еле слышно, — обормоты чёртовы.

— Дозволь испросить Хозяин, — неуверенно поинтересовалась Вёша, передник уже весь измяла в тонких пальцах. Не укрылось от хозяина то, как пыталась она с ним взором не встречаться. Все в пол глядела. Смешная такая, ученицей к нему попросилась, упорствовала так, чтобы теперь в глаза посмотреть бояться, — тут спальня есть, и я подумала...

— Что ещё за спальня? — пришел черед мага недоумевать, меж бровей морщинка залегла.

Вёшня в ответ рукой указала. Хозяин с вороном переглянулся озадаченно и прошел к указанной двери.

— И правда, гляди, Мрак, видно, башня так обрадовалась, что новую светлицу выдала.

Ворон спустился с балки и уселся на створку открытой двери, внутрь заглядывая.

— Смотри-ка ты, как расщедрилась. Я для себя жерди сколько выпрашивал? А тут пары дней не прошло, а оно вон как.

Вёшня вовсе ничего не понимала. О чем таком они толкуют? Разве может башня сама себе комнаты добавлять? Хо-

ты... Если подумать, за эти дни Воська не раз замечала странности сего места. То дверь какая откроется навстречу, то огонь в очаге ярче разгорится, стоит руки поднести озябшие, то окна будто бы шире станут, а то и вовсе что новое появится — мебель какая или картина. Посему выходило, что и башня эта не просто груда кирпичей. Впрочем, можно ли рассчитывать на меньшее, когда приходишь в башню Хозяина Топи?

— Живи уж, раз все так складывается, — махнул рукой маг, закрывая дверь в спальню, — раз уж она тебя приняла.

— Благодарствую, Хозяин, — поклонилась низко, но магик ее тотчас за плечо вверх дернул.

— А вот это ты брось. Нечего предо мной, аки девка дворовая, пред каким господином, расшаркиваться. Коли претендуешь на роль моей ученицы, держи себя с достоинством. В приветствии и кивка достаточно, — и глядит так строго, что хочется пару шажочков назад сделать. Но ком в горле протолкнула, кивнула решительно.

— Как скажешь, Хозяин.

Усмехнулся отпуская. Заскрипела дверь спальни отворяясь. Не теряя боле времени, Весенья этак бочком с улыбкой неловкой в нее и юркнула под двумя внимательными, но вместе с тем насмешливыми взглядами.

«Ну, вроде ничего прошло...» — выдохнула, изнутри уже к двери закрытой приваливаясь.

В голове неумная крутилась мысль — что ж за гости сегодня пожалуют? И надобно ли чего скуховать к их приходу? Вроде же в первый их уговор Хозяин упоминал, что готовить она будет для гостей...

Только вот на минуточку приляжет, а то так умаялась с уборкой этой.

Сама и не заметила, как уснула. Раз и провалилась в сон тягучий, едва головой подушки коснувшись.

Шорох. И шепоток чуть слышный. Хихикает кто-то. Стук. взором обвела комнату, не понимая, где сама находится. Кровать огромная, мягкая, с периной. Занавеси ажурные на окнах в лунном свете трепещут.

— Тиш-ше, ты, разбудиш-ш-шь!

— С-с-с-сам тихо! — откликнулось возмущенно.

Весенья опасливо подтянула ноги, норовя не слишком сильно шуршать по постели. Огляделась в поисках чего тяжелого, шипящий говорок пришлых ей не нравился.

Голос раздавался в изножье кровати и не виднелось, кто там волохается, из-за высокой загородки.

На столике подле постели оказалось медное блюдо-фруктовница. Подхватила его, не тяжелое, но хоть что-то в руках.

— А ну, выходи, кто тут! — Голос раздался не так уверенно, как того хотелось.

— А то чавось? — отозвалось смешливо.

Ответ в сонный разум девицы сразу не пришел, а подумать

не успела.

Из-за деревянного высокого изножья явились взору две мордашки. Свинные рыльца, глазки махонькие, но чертами отдаленно на детишек сходились. Только вот кудлатые такие, а среди волос рожки выглядывают. И кожа темная, как жись, красная. Во мраке комнаты не разглядишь.

И глазают с любопытством.

— Ты кто такая? — осведомился правый.

— Кто-кто? — суетно поддакнул второй, привставая и показываясь в полный уже рост. Одетый в одну только рубашу длиной по колено, с красным пояском. За спиной махнул хвостик с пушистой кисточкой.

Веша набрала побольше воздуха, но крик замер в груди. Только глаза на лоб полезли, а фруктовницу уже на манер щита к себе прижимала.

— Черти... — пропищала приглушенно, — как есть нечистики.

— Никакие не черти, мы — потаньки! Ясно? — обиженно отозвался второй, ухватываясь четырехпальными ручками за изножье. — Черти — вон, в трапезной скачут, а мы тут...

Весья прикрыла глаза, приневоливая сердечко зашедшееся утихомириться. Нечего ей робеть, коли намеревается здесь жить и у ведуна обучаться. Еще не такое повидает. Странно то, конечно, непривычна она к нечисти, но придется.

И только спустя мгновение дошла до разума девичьего мысль:

— В трапезной? Черти? — Представила ярко, во всей красе, как те снова разносят уют ею наведенный. — Скачут?

— А что им еще делать-то? Стол теперича свободен, — заявил правый потанька да ручками развел, мол, а что тут удивительного?

Злоба накатила. Да такая, точно Весенья сама чертом обернулась.

Подскочила с постели, даром что коса расплелась, только волосы с лица откинула. Выбежала из спальни, как есть босая.

Дверь в кухню оказалась приоткрыта. Кто-то весело играл на гармонии, пел хор нестройных голосов (как только раньше не услышала да не проснулась?), а вдобавок и правда слышался топот копыт по дереву.

— Ну, я им сейчас, — прошипела Веша.

Столько сил она извела, чтобы все прибрать, а они снова? Метнулась к кладовой, схватила метлу с черенком потолще и в кухню ринулась. Распахнула дверь перед собой...

Вокруг стола расселись гости... На двух табуретах — лешие, крепенькие низкорослые мужичонки с бородами да бровями кустистыми, в волосах — ветки да листья торчат, носы — сучки. Один из них на гармони-баяне наяривал, а второй, знай, подпевал что-то про калину-рябину да жизнь кручинную. Водяной им вторил, в обнимку с бутылкой пятилитровой на стол привалившись. Молодой совсем свиду, кожа бледная, синюшная, волосы черные, точно мокрые, и ко-

пошатся, словно пиявки вьются. А по ту сторону стола тряс стакан, ладонью зажав — болотник. Как есть человек-жаба. Кожа темная, в бородавках, рыха широкая, глаза на выкате, сам лысый. Одет при том в халат алый бархатный, с рукавами широкими расписными. Рядом же с ним молодец сидел. Плечи широкие, волосы русые, статный, ладный, да токмо как кинул взор на Вешу через кухню, та и попятилась. Глаза-то зеленые разделялись вертикальным зрачком.

— Была не была! — ухнул болотник, убирая ладонь от стакана, покатались кости игральные. Да прямо под ноги резвящимся на столе чертям. Малорослые, на гнутых ногах с черными копытцами, облаченные в одни лишь набедренные повязки, они умудрялись еще и плескать во все стороны содержимым своих кружек. Морды клыкастые, с такими же свиными пяточками, как у потанек, перекошены были в безудержном веселье.

— Йей! — ухнули хором в такт песне, что распевали лешие с водяным, да наново как грохнули кружками, расплёскивая брагу во все стороны.

— Ей! — Взвилась Весенья, потрясая метлой, с ужасом глядя, как по стенам брага течет — я вам сейчас такое «Ей»! устрою! Быстро послезали!

И с метлой наперевес кинулась к столу. Только бы не дрогнуть под обратившимися вмиг на нее взглядами. Баян еще веселее заиграл, а песня полилась быстрее. Захохотали, загоготали.

Один из чертей, ростом будучи не более пятилетнего ребятенка, скакнул со стола на столешню у стены да полез по навесным шкафчикам к потолку, на ходу дверцы распахивая да вываливая оттуда убранные кастрюльки и горшки.

— Да ты ж, паскуда! — даже в груди закололо от возмущения! Это как так можно?! Что за гости такие?! Теперь-то Вешка понимала, откуда этакий бардак в сей башне несчастной брался. — Ну-ка брысь! — подцепила черта метлой да насилиу отодрала от шкафчика.

— Убиваааюуюють! — заверещал окаянный, падая прямо на Вешку. Посыпались черепки посуды грохоча. — Спасите! Помогите!

Веша скинула с себя теплое верещащее тельце. Шкурка у чертенка оказалась на ощупь, все равно что свиная и вся в колкой щетинке.

— Больно надобно! — плюнула вслед, снова подбирая метлу. — Ну-ка, брысь отседова! Нечего столы топтать!

Остальных тоже погнала под визг и писк дурашливых. Они только знай себе гоготали да уворачивались, пока Веша их достать пыталась. Остальные не вмешивались, смеялись только да подначивали.

— Во, девка! С такой и в пир, и в мир! — восторженно изрек водяной, даже от бутылки своей отрывавшись.

— Не надо со мной ни в какие миры-пиры! — Отдуваясь, отозвалась Веша, вкаторый раз за чертями обегая стол. — Брысь, сказала!

Наконец, удалось перехватить всех троих и погнать метлой уже к выходу из кухни, а там и к улице. За порогом же те прыснули врассыпную, только пятки сверкали... копытца то есть.

— Еще увижу, что по столам скачете — не так отделаю! — крикнула вслед, чувствуя небывалую гордость. Справилась. Отстояла кухню. Чай, остальные-то гости вроде пристойно себя вели. Лишь бы Хозяин ей потом за такое самоуправство не всыпал.

Прислушалась, баян потише заиграл, песня иная полилась.

— Э, хозяйка! — из кухни показалась голова водяного. Это она-то хозяйка? — нам бы браги еще, бутылки пустые!

Запал и злость сошли на нет. Кивнула в ответ.

Водяной в улыбке растянулся.

Возвращаться на кухню вдруг стало боязно. Глупо, конечно, но сперва-то она со сна помчалась, толком не осознав, что происходит, желая лишь наведенный порядок спасти. Теперь же, входя к собравшимся гостям и ощущая на себе взгляды их, притихла.

— Ты кто такая будешь, красавица? — услышала обращенный к ней вкрадчивый вопрос. Подняла взгляд, встречаясь с глазами змеиными. Пронзительные, с молодого лица русоволосого глядели на нее с таким теплом, добротой искренней. Ноги едва не подкашивались.

— Весенья, — выдохнула, не успев вовремя рот захлоп-

нуть. И лишь мигом позже опомнилась. Нельзя же! Хорошо, что звук ее голоса потонул в разливающейся песне.

Вопрошавший поморщился, искоса глянув на разошедшихся в певцов. Хлопнул в ладоши, тут же тихо стало. Беснующаяся компания просто испарилась. Осталось их в кухне трое. Сама Весенья, молодец, обратившийся к ней, и на той стороне стола, развалившись на стуле и заливая в безобразно-широкий рот очередную порцию браги, болотник.

— Как, говоришь? — голос зеленоглазого шелестел с едва заметным шипением.

Потянуло повторить, но тут же прикусила Вся кончик языка. Хозяин ведь предупреждал — имени своего не называть! Что ее только потянуло на откровенности такие?

— А вас? — ответила вопросом на вопрос. Мужчины переглянулись, хмыкнули. Блондин уперся ладонями в колени, к ней уж всем телом подаваясь.

— Что же человечья дева делает в башне Хозяина Топи? — кажется, понял он, что Веша имени своего не назовет.

— Я к нему учиться пришла, — отозвалась, раздумывая, что дальше то делать. Улизнуть? Али по-хозяйски преподнести? Магик ведь велел себя с достоинством вести, а побег-то таковым никак не посчитают.

Но тут уж ее от терзаний оторвали, рассмеялись гости. Болотник даже подавился, забулькал, назад на стуле отклоняясь так, что вот-вот упадет, да по животу себя ладонями хлопая.

— Лесьяр? Ученика взял? Да еще девку? Вот умора! — не унимался жабий рот. Веша на то с явным неудовольствием на лице поглядывала.

— Не сердчай на нас, господарочка, — светловолосый тоже посмеивался, — да только не верится в подобное. Полно девок в эту башню хаживало, но Лесьяр наш дольше пары часов ни одну у себя не держал. А чтоб магическими знаниями своими делиться... — покачал головой, — я Арьян, — перевел тему разговора, представившись. — А это, — указал на болотника, — Базан. Тебя, стало быть, как величать?

И снова в ее сторону качнулся, глазами своими змеиными сверкая. А Веша на ус мотала. Хозяина, стало быть, Лесьяром кличут. А этот, русоволосый молодец — Арьян, и уж страшно сильно он ее имя выпросить хочет.

— А зачем это тебе имя мое? — отозвалась угрюмо, заставляя себя сойти с места и двинуться к шкафчикам навесным. Черепки горшков валялись здесь и там, пришлось внимательно следить, куда встает босыми ногами.

— Грамотная, значит, — отдуваясь со смеху, пробасил Базан.

— А ежели и так? — взгляд через плечо должен был смотреть грозно, но походил скорее на опасливый. Потянулась к шкафчику, намереваясь расставить обратно все оброненное чертями.

— А это мы проверим, — прошелестел Арьян со своего места поднимаясь, — ступай-ка, сюда, Весенья.

Вздогнула. Услыхал, значит.

— Иди сюда, родимая, не бойся ничего, — а голос какой приторный, медом ласкает, вкрадчивый. Воздух кругом точно качнуло. Но Веша лишь головой тряхнула, да смахнула волосы с лица.

— Мне и здесь преотлично, — а повернуться не решалась, все по шкафчику шуршала, усердно порядок учиняя.

— А со мной еще лучше будет, приласкаю. Иди, коли зову тебя, — голос, казалось, в самую ее суть проникает. Ворожит. Манит.

Сглотнула через силу. Нет. Нельзя поддаваться.

Да только руки сами собой опустились, плечи потянуло, разворачивая. Точно кто лапами незримыми мягко, но требовательно ее повертает.

Сидел искуситель все там же, на треногом табурете. Расслабленный. Локоть правый на столе покоится, вторая рука ладонью на бедре покоится. И смотрит на нее с ленцой да с улыбочкой на тонких губах.

Покачала головой, в змеиные глаза глядя. Нет, не заставит.

— Не сможешь ты Полозову царевичу супротивничать, девочка, — хмыкнул болотник, за что получил от Весеньи хмурый взгляд исподлобья.

— Пойду я, — ступила прочь.

— Стой, — почитай шепотом промолвил Арьян, вздернув подбородок, — загляни мне в глаза, раскрасавица.

Затрепетала Веша, сама от напряжения в один миг съеживаясь. Ощущала, как он чарами своими ее обволакивал, привораживал, вынуждая оборотиться всем телом этому злу навстречу. Сердечко в груди затомилось сладостно, чарами влекомое. Ну взглянуть разочек еще в красивое лицо, в глаза зеленые, сверкающие точно изумруды. Кому оттого плохо будет?

Взор заскользил неспешно по полу, как магнитом каким влекомый. Уже до ног его, по каменной кладке вытянутых, добрелся, по поясу красному на льняной рубахе, выше по развороту широких плеч.

— Давай же, милая, — еще пуще силой окутало. Тепло сделалось, тихо, безмятежно. И нет ничего прекраснее этих зеленых зовущих глаз. Все кругом потускнело словно. Ступила вперед, лишь краем рассудка чуя, как осколки в стопы впиваются, но и боль отрезвить не сумела.

Болотник облизнулся огромным языком своим, кровь людскую почуяв, подался вперед через стол, пасть в предвкушении раззявив, слюнями на столешню капая.

Еще шагнула ближе. Красивый какой. Арьян... И имя такое. Царевич еще значит. Когда же ей, деревенской девчонке, а царевич на пути встретится. А что полоз, так и пусть... так даже... интересней? Губы сами собой в блаженной улыбочке растянулись.

— Весеньюшка, — призывает ее, в душу девичью глядя. И не ведает та, как губы тонкие в недоброй усмешке пе-

рекашиваются, выжидающей, а черты холеные от осознания собственного превосходства, кривятся безобразно. Ноги его маревом на миг заволокло, а секундой спустя силуэт их удлинился и, вместо дымки белесой, мощным змеиным хвостом обернулись.

Двинулся ей навстречу, чешуей шелестя, кружа вокруг нее, а она взгляда оторвать не может, поворачивается следом. Один оборот, второй, третий и вот уже стоит в кольцах змеиных стянутая. Холодная чешуя по ногам скользит, сминая подол и до самого пояса сдавливая, не давая более с места сойти. Да только то не трогает ее ничуть.

— Учиться пришла, говорит, — хохотнул болотник, наблюдая со своего места, как полоз девку в кольцах сжимает. Еще немного и та совсем в его объятиях стиснется. А лицо блаженное, точно край неземной увидала.

Арьян на него только рукой махнул, не мешай, мол. Сам-то полоз сопротивление Вещи чуял. И магию в ней кипящую. Держать ее очарованной непросто было. Белый лоб даже испариной покрылся, пока он мороком своим пробивал слой за слоем ее магию в поисках девичьего сердца.

— Моей будешь... — прошипел ей в лицо, склоняясь, пальцами по скуле проводя.

— Будешь... — эхом заторможено отозвалась Весенья.

Дорогие читатели!

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и подписываться на аккаунт, чтобы не пропустить новые главы и новые книги!

Люблю вас!

Прошелестело мимо черное вороново крыло, но девушка и не дрогнула, не обратила совсем на то внимание.

— О, Хозяин, появился? — гоготнул болотник, наполняя большую кружку брагой прямо из пятилитровой бутылки. — Мы тебя уже заждались.

— Что тут происходит? — Лесьяр всем своим видом выказывал спокойствие и холодное равнодушие к открывшейся картине. Он стоял в дверном проеме, лениво привалившись к косяку и сложив на груди руки.

— Да девка говорит, что ты, мол, ее в ученицы к себе взял.

— В ученицы, значит? Этакую бездарность? — и так резануло слух последним словом, что Веша моргнула.

— Почему же бездарность, — протянул полоз, пальцами в растрепанную девичью косу закапываясь, — красоту такую негоже так называть. Я ее себе заберу.

Лесьяр хмыкнул.

— Бездарность, да и только. Первому же встречному в лапы далась, не обессудь, Арьян. Девка явно умом не блещет.

Ох, как эти слова хозяйские ее раззадорили. Моргнула снова, отмечая уже, что слышит и понимает даже, что Хозяин Топи о ней рассказывает.

— Не бездарность я... — просипела сдавленно.

Болотник замер, кружку до рта не донеся, вылупилсь жабьими глазами.

— Весенья... — снова полусшепот нежный и свет изумрудных очей напротив, узкий зрачок расширяется, затапливая тьмой. И в эту тьму, словно в омут, тянет ее, саму душу и суть вынимая. Хочется в ней навеки раствориться. — Моя...

Сила взволновалась. Это что это она его? Вещь что ли какая? Захотел, пришел, взял? Вот уж, дудки!

Вздогнула девушка.

— Нужна она тебе, Арьян? Ну, сожрешь ты ее, а в ней сила сырая, не дай боги, призраком возвратится.

Полоз зубы сжал и грозный взгляд Лесьяру послал. На миг лишь отвернулся от девичьих глаз, но и того хватило. Веша встрепенулась.

Батюшки. Как так угодить сумела? Ноги уж чуть не до сияков сжал ведь, гад ползучий! На бока и руки к ним прижатые давит, что не пошевелишься. До груди уже опутал, треклятый, а сам над ней склоняется, патлами своими от мира отгораживая.

Зажмурилась.

— Отпусти меня сейчас же! — прошипела, от страха заходясь. Сердце, кажется, вот-вот из груди выпрыгнет.

— Сама ко мне пришла, Весеньюшка, — ласково так да снова пальцами по щеке ее ведет. Дернула головой уворачиваясь.

— Не вздумай жрать меня, змея ты подколотная, — и высвободиться пытается, хотя бы руки вытащить, чтобы гада отколошматить. Вот уж в морду ему вцепится, глаза колдовские выцарапает!

— Не думал даже, ты этого магика не слушай, красавица. Будешь в замке змеином со мной жить. Шелками, жемчугами тебя осыплю. Соглашайся. Пойдешь со мной?

И все в ней кричало ответить «да», окутывало этой жаждой, выдохнуть одно только короткое слово.

Замотала головой.

— Пусти! — Смогла-таки разжать непослушные губы.

— Отпускай ее, Арьян, — сухо бросил маг, — проиграл.

— На этот раз... — змеиные кольца распустились, давая, наконец, вдохнуть полной грудью. Напоследок не удержался, снова провел ладонью по девичьей щеке и отступил.

Кажется, все они снова уселись за стол, но Веша того уже не видела. Спотыкаясь, выбежала из кухни, на ходу со щек вытирая выступившие с испуга слезы. Влетела в свою спальню и захлопнула поскорее дверь.

Вот тебе и гости...

Глава 3

Привалилась к двери спиной, да так по ней до пола и сползла, лицо в ладошках пряча. Потряхивало.

Вот так это гости у магика. Всем гостям гости.

Сейчас только до разума девичьего дошло в полной мере, в какое место она напросилась, к кому в услужение и ученицы заявила. Не зря говаривали про Хозяина Топи, что тот с нечистой силой якшается, знать, правда. Сама увидала. Как со своими с ними говаривал, а те и привычны к нему в дом без спросу заявляться. Разве ж станет добрый человек с нечистыми дружбу водить?

— Глянь, довели ее! Трясется, что лист осинового, — зашептало из темноты. Веша вздрогнула, запоздало вспоминая, что в ее комнате нечистики оставались.

— Ну, не сожрали хоть, Базан-то мог, — фыркнуло в ответ.

— Святъ, — шепнула сдавленно, глотку-то от пережитого до сих пор сжимало. Светляка призвать хотела, но сила, вот незадача, не откликнулась. Знать, со страху еще в себя не пришла, чтоб ею пользоваться. Бывало такое, когда уставала сильно, али сосредоточиться не могла.

Поднялась, за стену придерживаясь, но тотчас болезненно простонала - ступни болью отозвались, осколками израненные. В потемках-то не разглядишь. Пришлось себя в руки

братъ... Отворила тихо дверь прислушиваясь. Гости в кухне сидели, говорили о чем-то. Сглотнув тошноту подступившую, губы покусывая, заглушая свои же стенания, потянула дверь на себя да в узкую щель наружу подалась, дальше вдоль стеночки до каморки, где все прошлые дни почивала. Здесь у тюфяка на полу у нее свеча на канделябре стояла, да лучины припасены были.

Зажигать пока не стала, с опаскою вышла снова в зал.

— А я тебе толкую, нельзя больше ждать! — слышался возмущенный голос Базана, на повышенных тонах явно говорили, — дождешься, когда трещина совсем разойдется! Арьян, ты что молчишь?

Про какую такую трещину они спорили? Кольнуло любопытство, даже боль пересилило. Сама себя в мыслях ругая, подкралась ближе к полоске света, что по полу с кухни пробивалась.

— А что я тут должен сказать? — Выдохнул полоз устало. — Лесьяр лучше нас знает, что будет, если Кагара вернется.

— Не вернется, — как сквозь зубы, зло, — и не вам меня учить. Сам за камнем прослежу!

— Ему мало, Лесьяр. Того, что ты даешь недостаточно, — не думала Веша, что болотник так переживать о чем-то может.

— Что-то вы засиделись, гости дорогие, не пора бы и честь знать?

— Погубишь нас всех! — грохнуло по столу не то кула-

ком, не то кружкой. Воська подскочила от внезапности и поспешила в свою комнату. Закрыла дверь торопливо, но следя, чтоб не хлопнуть. Привалилась к стене, руки со свечкой к груди прижавши. Щеки жгло, будто она не разговор случайный подслушала, а преступление какое совершила.

Зажгла свечу, подняла ту перед собой, вглядываясь в комнату.

— Потаньки? — странно было самой к нечистикам обращаться.

— Тута! — раздалось из-за кровати, взобрались оба на постель. В свете свечи Веша смогла таки их разглядеть получше. Кожа и правда у них оказалась красноватая, курносые, свиные пяточки на детских лицах смотрелись чудно. Оба темноволосые, лохматые, с маленькими рожками чуть выше лба. Одетые в одинаковые рубашки, длиной по колено, подпоясанные. А ноги-то звериные, с копытцами и густым темным мехом покрыты.

И что ей с ними делать? Потаньки вроде неопасные, из низшей нечисти, проказливые, но не шибко злые, если повериям доверять.

— И что вы тут... сидите? — не зная, как бы их выпроводить, огляделась.

— А где б нам сидеть еще? Здесь чистенько, тепло, на нас не ругается никто, — надувшись и усаживаясь на одеяло, ответил один из них. И так жалобно прозвучало это, что Веше его вмиг жалко стало.

— А что же, часто на вас ругаются? — вздохнув все же уселась на край постели. Чертенята не казались опасными. Скорее двое обиженных детей.

Сама ж ноги подтянула, осмотрела подошвы. Ранок было несколько, из одной как раз осколок и торчал. Выглядело не очень...

— Да все! — ответил другой, — шпыняют, кому не лень. Даже черти с бесами. Бесполезные, говорят, бестолковые! А что нам делать, коли зла мы нести не желаем?

— Точно не желаете? — с прищуром переспросила Веша, грозно так, строго.

Рогатики головами замотали.

— Мы ж жили у тетки Марфы, в амбаре, значит. Ну, бывало, кур там выпустим на двор разбежаться, али в молоко хвосты сунем, что то прокиснет, так то ли зло? Просто натура у нас такая, проказливая. А Марфа нас все равно угощала. То пирог на окне оставит, то крынку квасу, — вещал вдохновенно, да так искренне, что Весенье и тетку Марфу вмиг жаль стало. Вообще, она сегодня какая-то совсем уж жалостливая, — да только Кузьма нас выгнал в итоге. Говорит, много шуму...

— Кузьма?

— Дворовой, — выдохнули устало, — а что с ногой у тебя? — Потянулись ей через плечо глянуть. — Кровью что-то пахнет, поранилась?

— Есть немного, - развернулась, чтоб увидели они, чем

она занимается. Потанята глянули, забавно рыльцами подергивая. — И что же вы теперь, тут остаться собрались? — заподозрила Веся.

— А может, что и тут! — и смотрят так угрюмо, исподлобья, точно те волчата. А хвостиками между собой переплелись, в немой поддержке один другому. — Ведьме между прочим черти в услужение полагаются! Ты же ведьма?

— Да-да! Мы слышали, ты к Лесьяру учиться пришла! Значит — ведьма!

Сперва подумалось выгнать их куда подальше, да только не стала Веся с тем спешить. Она же ничего о порядках местных не ведает, кто еще может в башню заявиться, как себя вести с ними? Хозяин знаниями делиться не спешит, да и можно ли на него прямо рассчитывать, когда он, увидев, как ее полоз в кольцах жмет, ничего и делать не стал? Стоял да смотрел... Советчики ей совсем не лишними будут, а эти двое те еще болтуны.

— Ну что ж, раз полагаются, — скрипя зубами, ухватила за осколок ногтями и потянула. Но тот был хоть и небольшим, но гладким и от крови скользким, — оставайтесь. Но сразу скажу — лодырей не потерплю, — она снова на них глянула строго, — и проказ мне тоже не надобно, натуру свою где в другом месте практикуйте, все ясно?

Потаньки так и взвились, к ней вперед подаваясь, радостные.

— Правда, оставишь?

— И в услужение возьмешь?

Закралась какая-то мысль, опасливая. Надобно в этом месте со словами осторожнее быть. Как знать, чем такой договор ей обернуться может.

— Поглядим, — ответила уклончиво. Спросит сначала у мага, как то правильно сделать.

— Не пожалеешь, хозяйюшка! Мы знаешь, какими славными бываем!

И не спрашивая за ступню взялись — один держит, другой ниже склонился.

— Эй! Вы что удумали? — взъерепенилась было девица. Но потанята ее успокоили тотчас;

— У нас пальцы более цепки, погоди, хозяйюшка, дай, подсобим! — и в один миг взяли и взаправду осколок вытянули.

— Вот спасибо! — Веся и пикуть не успела. А один из чертят тем временем из мешочка на поясе достал какой-то листочек. В пальцах размял его, да на ранки размазал.

— Чтоб зажило скорее, — пояснил он.

— Это что за травка такая? — с профессиональным уже интересом спросила ведунья.

— Так порезник же, — усмехнулся ее недавний врачеватель, — первое средство.

Веся с удивлением наблюдала, как быстро кровь останавливается. Надобно взять на заметку...

— Как интересно. Я раньше про такую не слыхивала, другими пользовались... Вы мне пока расскажите, что это за го-

сти сегодня пожаловали.

Уселись, ножки скрестив, глазками сверкая радехонькие, что подсобить сумели.

— Полозов царевич Арьян и знакомец его, Базан, старшой среди болотников. Будь неладны.

— Тише ты, услышат еще, — одернул друга второй, — они сильны сверх меры. Токмо Хозяин с ними совладать горазд. Он их только в узде и держит. Коли не он, не жили бы вокруг болот люди-то спокойно.

— Да-да, ты не смотри так, Базан знаешь, сколько люду погубил, в болота заманивая, да полчище свое преумножая?

— А Арьян до девиц охочий. Говорят, у него во дворце харем уже цельный. В омуты да в норы их завлекает так, а те и рады. Глазами только хлопают, — да так показал нарочито, что Весенья рассмеялась.

Слушала-слушала, а сама все раздумывала, насколько правильно поступила, в башне поселившись. Да разве выбор есть у нее? Если не сюда, то куда? Сразу к магикам в город, чтоб источник выдрали? Часть души добровольно отдать, испугавшись опасностей да сложностей открывшихся? Вот уж нет, не дрогнет. Подумайте! Ну, потискал ее этот змей подкодный, ну так она же с ним справилась, оттринула чары в конце концов. Ничего, постоит еще за себя. Кивнула своим мыслям.

— Прямо так и хлопают? — и не успела другой вопрос задать, как в дверь постучали. Нечистики тут же под кровать

шмыгнули, только хвостами махнули, а Веша и сама напряглась, — кто там? — спросила осторожно, с постели поднимаясь и свечу перед собой выставляя.

— А много кто к тебе ходит? — ответил из-за двери насмешливый мужской голос. Хозяйский.

— Открыто, — вымолвила тихо, предчувствуя грядущий нагоняй. Прямо все нутро девичье кричало, что сейчас с ней ласковы не будут.

Дверь отворилась со скрипом, нутужно так, скрепя сердце. Не хотелось башне Лесьяра к девице в спальню пускать, да только куда ей супротив Хозяина. Тот вошел в комнату мягким шагом. Притворил за собой дверь, нарочито спокойно, а после оборотился с самым благодушным лицом.

— И что это, позволь узнать, было за представление? — и голос-то такой елейный, ласковый. — Полоз понравился? Так что же к нему сразу не пошла, а ко мне явилась?

И как-то совсем уже улыбка доброй не казалась, хищной, скорее, натянутой. Приглядевшись, поняла Весенья, что близок Хозяин к совсем иному тону.

— Какое... представление? — только и сумела выдать, не понимая, что он так гневается. Свечку в руки взяла, чтоб хоть чем оные занять, к груди прижала, подсвечивая лицо снизу, аки покойнице. С постели поднялась, как-то неловко при мужчине постороннем на кровати сиживать. А Лесьяр к ней прямехонько подошел, склонился, руки за спиной сцепив.

— Я тебе не общаться ни с кем говорил?

— Говорил... — а сама голову в плечи втягивает.

— Имени своего не называть говорил?

— Говорил... — куда бы спрятаться от глаз этих желтых, что с каждым словом все ярче сверкают?

— Касаться не позволять говорил?

— Говорил... — едва слышно уже молвила, отступила бы назад, да кровать стояла треклятая. Может, хоть бочком от него? Нет, так точно глазами испепелит.

Запахло жареным. Нет, в прямом смысле запахло. И у груди запекло.

Вскрикнула-ойкнула, поняв, что свечу слишком близко прижала, да так, что ткань запалила.

Это, конечно, хорошо, когда в груди огонь горит, сердце горячее, но вот когда НА груди полыхает, совсем не весело!

Свечу из рук выронила, себя пытаюсь ладонями прихлопать, да только льняная ткань уже занялась. Доли секунды прошли, как пламя раздаться успело? Она же сгорит так!

На грудь легли две ладони, тотчас холодом ее окутывая, да боль от жара убирая. Пламя потухло сразу, словно в пальцы мужские втянулось. Кожу опалить толком не успело, подकोптило только сорочку нижнюю.

И пламени-то уже и нет, а лапы мужские на самых, что ни есть мягких местах лежат нагло. Еще и ткани сарафана не стало, так через тонкую нижнюю сорочку все равно что безо всего лапают нахально. Сама не поняла, как то случи-

лось, только жарко стало уже в своей ладони, да запоздало послышался шлепок. На руку и уставилась, понимая, что натворила. А на щеке мага разливался краснотой отпечаток девичьей ручки. И по мере того как тот ярче становился, черты мужского лица заострялись, а брови все ближе друг к другу сдвигались.

Шагнула таки назад, да кровать под колени попалась, так и шлепнулась на нее. Рукой рот зажала, дабы писка не выпустить. Глазами огромными с испуга да стыду на Лесьяра уставилась. Убьет. Точно убьет ее теперича.

Магик медленно руки опустил, очи прикрыл, глубоко вдохнул. Выдохнул.

— Я... — начало было, да запнулась, потому как распахнулись глаза желтые, насквозь ее пронизывая взглядом уничижительным.

— Лучше помолчи, Весенья, — от тона холодного до поджилок пробрало.

Не нашла девица ничего лучше, как виноватую улыбку на лицо натянуть. Девичьи улыбки же все проблемы решают?

— За что мне все это? — простонал так устало, пальцами переносицу сжимая, — нет, ну что я такого в жизни натворил, что боги мне извечно такие испытания преподносят?

Рукой по лицу провел, пальцем по губам постучал, раздумывая да девицу оглядывая. Головой вот покачал, что Вешке еще стыднее стало. Потупилась.

— По-хорошему выслать бы тебя отсюда подобру-по здо-

рову, пока цела еще, — подытожил свои думы. Но Весенья с этим соглашаться была не намерена. Тут же стыдливость куда-то улепетнула.

— Не нужно меня высылать никуда! — Вскочила, магу в лицо горящим взглядом впиваясь, — я все усвоила и больше не попадусь на змеиные происки.

— Думаешь, один Арьян тут бывает? — выгнул губы в усмешке.

— А я все запомнила. Имени не называть, в руки-лапы не даваться, — теперь-то уж и правда зарубкув памяти поставила да важность сего поняла.

— Ты и в прошлый раз это говорила, а в итоге мне тебя вызволять пришлось.

— Вызволять? — а вот тут уже и сама Весенья взъелась. — Да ты же стоял, как... как... — хотела сказать, как “пень”, да поняла, что и так довольно сегодня себе позволила.

— Как? — и снова ехидный такой, зараза!

— Как будто так и надобно!

— А как надобно? — кажется, магика все это изрядно забавляло. Девчушка и правда была презабавная. Растрепанная, в подпаленном платье, а все хорохорилась. Другая бы после встречи с полозом и болотником уж точно сбежала, что только б пятки сверкали, а эта вроде и понимает, что в опасность попала, а не ревет, может, и выйдет с нее что. Если то, конечно, не от глупости.

— Да порядочный мужчина деву в беде не оставит, спа-

сать надобно!

— А кто ж тебе сказал, что я порядочный? — и склонился к ней, что снова между ними разве что ладонь в ширину. И взглядом медленно до опаленной груди проскользил, словно вспоминая, где еще недавно его руки были.

Щеки девичьи мигом вспыхнули, да до самых кончиков ушей краснотой залились. Ладоньками дыру в сарафане прикрыла, отвернулась поспешно, сопит, точно ежик.

Лесьяр рассмеялся. Руку протянул, по волосам ее потрепал. Дрогнула только да плечи сжала от жеста непривычного.

— Если б я в тебе гнев не вызвал своими словами, так бы он тебя и закручивал дальше, — повернул ее голову к себе лицом, за макушку придерживая, — сила твоя на дурные эмоции быстро отзывается. Гнев, страх... у стихийных магов неученых всегда так, — объяснил, уже серьезно в ее лицо глядя. — Последний раз тебе говорю — уходи, опасно здесь, особенно девицам молоденьким, да таким хорошеньким.

— Не уйду, — пробурчала волчонком на него глядя. А про хорошенькую польстило, запомнилось.

Отпустил, выпрямился, руки на груди складывая. Снова вздох этот обреченный.

— Завтра утром приходи на самый верх башни, — вымолвил устало, — но так и знай, если придешь, спуску я не дам. Не посмотрю, что девица, и учить буду со всей строгостью. Никаких поблажек.

Встребенулась. Головой качнула поспешно.

— Конечно! — на все согласная, только бы выучил.

Лесьяр кивнул в ответ и уже собирался было уйти, но чуть вправо отклонился, за ее спину заглядывая.

“Потаньки!” — мелькнуло в девичьей головушке. Что он на них-то скажет?

— И с этими построже, коли себе их оставить решишь.

Качнула снова головой в ответ. Язык проглотила что ли, Весенья?

Маг же развернулся да направился к выходу.

— Доброй ночи, — спохватившись пожелала вслед.

— Доброй ночи, — и снова с усмешкой, претворяя дверь с той стороны.

Едва вышел, снова на постель шлепнулась, да назад откинулась, руки звездой раскидывая. На губах сама собой улыбка растягивалась. Вроде и страху за вечер натерпелась, да и день нелегкий был, а на душе легкость такая. И пусть и до того с магиком уже уговор был, да теперь словно бы по-настоящему. Утром, стало быть, чародейной науке ее учить начнет. Вот освоит все, да отправится в Ясноград, экзамен ведовской сдавать. К нему всех допускают, а после, успешно сдавшим, грамоту предоставляют и разрешение на ремесло колдовское. Конечно, тем, кто завалит, опять же силушку выдирают с корнем, да только Веша прилежной ученицей собиралась стать. Уж постарается. Лучше так, чем всю жизнь прятаться, а то и без части души прожить.

Позади зашуршало. Вылезла двоица, от пыли подкроват-

ной отфыркиваясь.

— “Надобно, пожалуй, завтра еще раз здесь полы намыть”, — отметила Воська, на живот переворачиваясь. Подбородок на кулачки сложила.

— В следующий раз можете и не прятаться, Хозяин вас и так учуял, — наблюдая с улыбкой, сообщила потанькам.

— Да и без того знаем, что учуял, от него поди спрячься, — а сами один другому шевелюры от пыли чистят.

— Вас как звать-то?

Посмотрели угрюмо, обиженно даже.

— Не положено, — пробурчал тот, что справа стоял. Запоздало вспомнила Вешка, что и правда ведь у нечисти низшей имен не бывает.

— Вот уж, не положено, — фыркнула смешливо. Жалко стало чертят, — а как же я к вам обращаться-то буду, “эй, ты?”

Насупились. Э, так дело не пойдет.

— Ты тогда будешь, — призадумалась, глядя на правого, не замечая, как очи нечистика округляются в удивлении, будто бы в неверии даже, — Велизаркой, а ты, — прищурившись, смерила и второго глазами, — Вериславкой.

И тут нахлынуло, что аж вдохнуть пришлось поглубже, тошнотой накрыло и теплой волной от ног до макушки, да так, что волосы на затылке зашевелились, и словно бы вытянуло из нее что-то. Тотчас и слабость накрыла. А на запястье запекло с силою, что Весенья подскочила несмотря на муш-

ки перед глазами, на кровати усаживаясь, рукав стягивая.

На собственное запястье уставилась, а там, будто выводимые незримой рукой, проявлялись два кружочка. Темно-красной отметиной, точно нарисованные. Попыталась стереть, да ничего не вышло.

А чертенята тем временем на пол грохнулись, да лбами к нему прижались в поклоне.

— Вы чего? — ойкнула, совсем не понимая, что происходит.

— Хозяйка нам имена дала, да силою своей поделилась, — не отрываясь от пола тихо пролепетал тот, какого она Велизаркой назвала, — теперь верой и правдой служить будем, пока имена не заберешь.

— И силу твою с благодарностью примем, — продолжил Верислав.

— Это что же, все потому, что я вас именами назвала? — закивали, все также к полу прижавшись, что совсем странно смотрелось, словно моськами по доскам елозили. — Да встаньте вы уже наконец!

Поднялись тотчас.

— Как скажешь, хозяйюшка, — и смотрят на нее своими глазищами масляными. Вот те на! Что ни сделает, все глупость какую-то... Вот и чем ей это все теперь выльется?

— А что значит, что вы у меня силу примете? — с подозрением спросила у потанек.

— Раз в декаду, чтоб силу имени поддержать, ведьма или

ведьмак делятся с подопечным силою колдовской, — Велизарка словно заученный текст ей пересказывал, да с такой серьезной миной, — так нечистый и свою мощь возвращает да приумножает, пока сам имя носить не сможет.

— Ты же с нами и сейчас поделилась!

Сама то и не заметила толком. Разве что муторно стало, но теперь Веська уже нормально себя ощущала. Подтянула ноги под себя.

— Ты не бойсь, мы ж не верховные какие, много и взять-то не сможем, — успокоил ее Зарька, смешно пяточком подергивая, да правый рог почесывая. — Да и малы еще.

— Зато теперь расти лучше будем и сильнее... — проговорил Славка другу на ухо, хотя Веша и так услышала. Покачала головой.

— Колдовство теперича творить сможем, хоть простое, но тебе по хозяйству поможем! — да еще и кулачком по груди стукнул хорохорясь.

Выглядели потаньки донельзя довольными.

— Ладно уж, разберемся. А сейчас спать пора... куда бы мне вас пристроить? — оглядела комнату. Рядом с кроватью стоял небольшой резной столик. У противоположной стены — шкаф трехдверный, а с ним рядом, до окна, большой сундук с плоской крышкой. — Ну-ка, пойдемте-ка со мной.

Чертенята переглянулись, но послушно постучали копытцами следом за Вешей. Девушка же крадучись вышла из спальни, направляясь в давешнюю свою каморку.

— Тюфяк берите, — махнула рукой, к себе подзывая.

“А ростом-то мне по пояс”, — отметила с улыбкой. Никак не шло из головы, что больно на двух мальчишек похожи, коли на ноги не смотреть, да на носы-пяточки. Ну рожки еще... хвосты вот.

Мальцы споро ухватили тюфячок, пока Веша покрывало с одеялом в рулон сворачивала, и подушки еще им сверху кинула.

В комнату вернувшись указала им тюфяк на сундуке разложить. Пришлось тот, правда, вдвое складывать, да так еще и мягче оказалось, а малым с их ростом и вовсе все удачно получилось.

— Ну вот, теперь другое дело, — постель и правда вышла ладная. Потаньки медлить не собирались, ринулись устраиваться.

— Ну-ка! — схватила обоих за шкирки. — Сперва умыться, потом в постель!

Переглянулись между собой, да делать нечего...

Глава 4

Утро началось с перелива птиц за окном. То было первым, что Вешка услышала еще даже не распахнув глаза. Веселый щебет перемежался с клетотом, птички то и дело перелетали с окрестных деревьев на подоконник ее распахнутого окна, рассказывали о чем-то, заглядывали в комнату, а после — срывались с места обратно к лесу.

Какое-то время Весенья просто лежала в коконе одеяла, только лицо наружу выставив, да наблюдая за пернатыми, пока сон после ночи отступал. Но вот взгляд стал более осмысленным, девица села, потянулась от души, зевнула. Неожиданно нащупался под ногами толстый ворсистый ковер. Мягонький такой, из светлой валяной шерсти.

— Вчера же еще не было! — воскликнула удивленно, шупая стопами, — и откуда что берется? – и головой этак озадаченно покачала, - чудеса...

Глянула на сундук, но потанек в постели не оказалось. Видать, удрали куда-то еще засветло. Вот так помощнички.

Поднялась, к окошку открытому подошла, солнышку улыбаясь.

– Утречка доброго! – промолвила тихо, ко всему миру обращаясь. Ветерок ласкуче по волосам потрепал. Вешка на то хихикнула, да к комнате оборотилась. Ну что ж, сегодня важный день!

Сарафан натянула.

— Один остался... — подумала с сожалением. Вчерашний сгоревший не залатаешь никак, ежели только заплатищей какой, да Весенья никогда в шитье мастерицей себя не считала. Придется, видать, в соседнюю деревню наведаться али как-то выбраться к своему дому да вещей кой-каких привезти, раз уж она тут обосноваться решила. Дорога-то, правда, не близкая, пяти дней ходу... Как она свой скраб то потащит? Дешевле, наверное, все же что-то рядом прикупить, чем повозку под сундук нанимать.

В этих думках из комнаты выбралась, да ахнула удивленно. Вчера еще здесь такой кавардак творился, суший беспорядок... Теперича же и старой мебели не наблюдалось и сор весь собран оказался. А потанята метелками последние крохи в кучку сгребали.

— Мы тебя, хозяйюшка, будить не стали, день у тебя вчера непростой выдался. Сами, вот, за работу взялись! — Славка гордо грудь выпятил, пространство кругом метелкой в указательном жесте обводя. Зря, значит, Веська на них плохо подумала! Не удрали, а за работу взялись, покамест она дрыхла без задних мыслей.

— Как же вы это управились! — недоумевала Весенья. Она сама-то раздумывала, глядя на завалы, как сумеет все это вытащить, — тяжело ведь!

— Это ты по человечьим силам судишь, — фыркнул Зарька, — а мы все ж нелюди. А с твоей силушкой и не то еще учинить

способны.

– Молодцы, ничего не скажешь, – похвалила искренне, по маковкам потрепала обоих, все еще в себя не пришедши, – а куда ж вы весь хлам-то подевали?

Мальцы переглянулись как-то странно меж собой, что Веся неладное заподозрила.

– Ну, так это... – замялись, стало быть.

– Показывайте, не тяните уж, – подбодрила их Веша, уже чуя, что не все так славно.

Славка пошел к кладовке, потянул дверь на себя... И уж лучше бы Веся того не спрашивала. Доски, мусор, ветки, старые разодранные книги и леший ведаёт что – все лавиной хлынуло наружу.

Девица неспешно все сие обозрела и взгляд многозначительный к потанятам обратила. Те виновато улыбались, да копытцами по полу поскребывали.

– Доски разобрать к доскам, вынести на улицу и аккуратно к дровеннику сложить, книги – на стол в библиотеку, но сперва мусор с них стряхнуть надобно. В кладовой на кухне мешки есть большие, вот весь прочий сор туда и сложите и здесь у стенки оставите, потом разберемся, куда все это девать, – распоряжения раздавать всяк не так тяжело, как самой работать. Впрочем, ей и так хлопот вдосталь будет, так что помощь точно к месту.

– Все будет исполнено, хозяйюшка! – отозвались чертенята и тотчас принялись за работу. Вот так собственной силой

расплачиваясь, сыскала себе Весенья подручных.

Сама ж в кухню отправилась. Умылась наскоро водицей из магикова водопровода, думала перекусить, да кусок в горло не полез — сегодня, как никак, первое магическое занятие.

— Ну же, Веша, ты сама этого хотела, чего трусишь? — подбодрила себя, кулачками перед потрясая. В зал вернулась, где потанята хлопотали, перед лестницей встала. Уж что проход сызнава открыт и удивляться не стала.

Первый шаг страх, как боязно было делать, словно она не к магию учиться отправлялась, а на эшафот. И сама-то не знала, чего боится, а вон как волнительно. Ступенькой каждый шажок отмеряла, а в сердце девичьем уверенность росла. Фыркнула себе под нос да подбородок задрала для уверенности.

Лестница витая круто шла вверх. Встретились две площадки с закрытыми дверьми, прежде чем вывернула к распахнутому люку крыши. Ветер лизнул лицо, принесся с собой запах сырого камня, леса и свежести нового дня. Высота здесь была немалая и все, что Весенья видела, стоя в центре площадки — кроны деревьев за болотом, окружавшим башню.

— Я уж думал — до обеда спать будешь, — слышалось насмешливое со спины. Обернулась порывисто, что коса по плечу хлестнула. Магик стоял у самого края, прислонившись к высокому парапету. Руки на груди скрестил и смотрит на нее высокомерно, голову задравши. А сам красивый такой,

что Веся сглотнула. С ним рядышком хочешь-не хочешь, замарашкой себя ощущать станешь. Вон высокий какой, ладный, и лицо такое, как это говорят — породистое. Разве б только не усмешечка эта его, ехидная...

— Доброго утра, — проглотила колкость, не время сейчас с ним препираться.

— Доброго-доброго, — кивнул в ответ, — люк закрывай. Не хватало еще, чтоб ты в него свалилась, пока заниматься будем.

И снова губы сжала, ответ в себе придерживая. Думает, она тютюха такая, что люк под ногами открытый забудет? Опустила в проход тяжелую деревянную крышку, снова к Лесьяру повернулась, пальцы позади спины в замок сцепляя, дабы те волнения девичьего не выдавали предательски.

— Ну, показывай, что умеешь, — и рукой махнул повелительно, с таким выражением скучающим. Сам стоит — на голову выше нее, волосы черны, как смоль, а на фоне утреннего лазурного неба словно вороново крыло синевой отливают. Так он их еще и назад убрал в тонкие косицы, на манер северян. В мантии темной, что едва на ветру колышется и до самого полу складками опадает, не запаханая. Под ней, стало быть, рубаха, точно шелковая, да штаны новомодные в обтяг почти. Это тебе не деревенские мужики в простой одеже — шерстяной, да холщевой. У Лесьяра и цепь с каким-то амулетом на шее имелась, и кольца на пальцах. Пояс на рубахе с тонким узором.

— Святъ, — первое, что в голову пришло, то и брякнула. При солнечном свете не ярко вышло, да уж как сумела.

Хлопанье крыльев заставило отвлечься — Мрак примостился на парапете в паре метров от магика.

— Смотри-ка, светляка вызывать умеет, — прокаркал ворон, расхаживая по каменной кладке. Веше в том послышалось одобрение.

— Умею, — кивнула со смущенной улыбкой.

— Велико дело, — вздохнул в свою очередь маг, радость тем самым с девичьего лица нещадно стирая, — дальше давай.

— Тут не получится... — сообщила, оглядевшись.

— Почему же? — вздыхает снова.

— Цветов здесь нет, а я их умею в чувства приводить, — развела руками.

Магик повел пальцами слева направо, и прямо перед Вешкой на пол охапка цветов полевых шлепнулась.

— Это зачем? — не поняла девица, моргая, на охапку уставилась.

Ворон закаркал, да крыльями захлопал, смеясь, от чего Веша снова краснотой щек отличилась.

— Цветы... чтоб в чувства приводить, — магик прервал ее смущение, а у самого голос так и сочится ядом, ногой еще притопывает, явно теряя терпение, — показывай.

— Так я же не про то! — дошло, наконец, махнула рукой, — я такое на огороде выделявала. Как растение какое чах-

нута начинается, я его магией питала, и оно еще пуще прежнего росло. Свеклу там, яблони... Не часто, правда, бабуся говорила, что коли лишка дать, так все так разрастется, что с самого Яснограда видать будет. Да и соседи зыркать начнут недобро. Так, помаленьку подкармливала, чтоб самим голодать не пришлось. Соседке вот малину как-то подправила... Сорванное-то не сумею, токмо то, что в земле еще, стало быть...

— Свеклу с яблонями значит, — и что он все так вздыхает? — слышишь, Мрак? Какая ученица нынче у нас. Огородница.

Ворон промолчал, только поглядывал глазками-бусинками да расхаживал туда-сюда по парапету.

— Это все? — спросил с надеждой, на что Весенье больше и сказать то было нечего. Поникла, кивнула понуро.

— Бабуся учила еще шепотки всякие накладывать, заговоры, на зелья шептать, да только не выходило у меня ничего, так и оставались слова словами.

— Конечно, не выходило, — ответил, а сам что-то во внутреннем кармане мантии искать принялся, — бабуся твоя — обычная деревенская ведьма, таких шептухами называют, силы в ней — капля, конклаву такое без надобности. Но она ее всю жизнь пользоваться училась, потому и смогла слова питать. А в тебе источник куда больший... да где ж ты?! — ругнулся, шарясь по ткани, — а-ха! — нашел, выудил какую-то длинную трубку стеклянную, толщиной с па-

ру пальцев, внутри оной же красный стержень помещался, — иди сюда.

Приблизилась послушно.

— Держи-ка, — и в руки ей стекляшку сунул. А сам с таким видом предвкушающим глядит, что Весенье снова не по себе стало.

— А что с ней делать? — стекло холодило ладони.

— Просто держи, — и взгляда не отводит. Ворон вот тоже с камня на плечо мужское перелетел и на штуковину эту воззрился. Веша и сама взгляд приковала.

Стержень внутри стекла тем временем из красного стал светлеть, да цвет менять на синеватый, словно бы туманной дымкой расплываясь. Веша поближе к лицу поднесла, наблюдая, как внутри вихри малеханькие клубятся.

— Неплохо, — закивал магик, подбоченившись.

— А то не ясно было, когда она тебя об стену сырым выбросом приложила, — проскрежетал ворон, за что Хозяин нещадно спихнул его с плеча. Птиц недовольно крикнул и снова на парапете устроился.

— И что это значит? — озадаченно поинтересовалась ученица. Покрутила стержень в руках, к лицу приблизив. Внутри словно настоящее колдовство творилось, туман синеватый уже всю стекляшку заполнил, да на месте не стоял, клубился, переливался, пока в насыщенный синий не потемнел. Тогда то и застыл, словно бы единым целым.

— У магов есть несколько уровней силы, — Лесьяр за-

брал у нее стержень и принялся оный встряхивать, от чего дымка внутри сама собой уменьшалась, — белый — самый слабый, как у твоей бабушки. Такой источник почти ничто — капля в море. Есть красный — первая из низших ступеней, которые ценятся конклавом. Дальше — зеленый, желтый, синий, черный и золотой. От одного к другому по старшинству. Больше всего встречается зеленых и желтых магов, реже — синие. Совсем редко — черные. И почти никогда — золотые. У тебя, стало быть, синий. Очень неплохо, хотя с даром послабее было бы проще.

Пока рассказывал, стержень вернулся в прежнее состояние, магик его обратно в мантию сунул.

— Все поняла? — Спросил, на нее глядя внимательно.

Кивнула в ответ. Про уровни силы-то понятно, да только ей чем подсобит сие знание?

— От уровня силы зависит тип экзамена для получения лицензии. Проводить одинаковые испытания для черных и красных весьма опрометчиво, — словно поняв ход ее мыслей, сообщил маг. Он снова привалился спиной к каменной кладке и теперь смотрел куда-то в сторону в задумчивости.

— И что же за экзамен меня ждет? — волнение наново окутало с головы до пят.

— Покажешь несколько заклинаний соответствующих твоему уровню силы, — он пожал плечами, возвращаясь к ней взглядом. Глазищи желтые не по человечески каждый раз ее насквозь пронизывали, — и пройдешь проверку кон-

троля силы на стихийные выбросы. Но до этого тебе еще далеко. Расскажи для начала, что ты вообще знаешь о магии...

Как на духу Весенья поведала все, что было ей известно. И про то, что магия — есть сама жизнь и энергия, окружающая каждое живое существо, словно воздух. Есть она и внутри и снаружи вещей, самой сутью мироздания являясь. И что есть магии — стало быть люди и нелюди, кои, обладая особой связью с сим миром, способны источник внутри себя этой энергией наполнять и потом выплескивать, преобразуя силой разума во всяческие заклинания.

— И кто тебе все это рассказал? — на лице мужчины читалось удивление пополам с сомнением, только вот неясно, хорошо то али плохо.

— Бабуся... — ответила осторожно, да только подвоха не оказалось.

— Она была довольно осведомленной, как я погляжу, — одобрительно покивал Лесьяр, Воська аж выдохнула ненароком, — в общих чертах все верно, дам тебе пару книг, считаешь еще, потом обсудим.

— Никак в роль учителя вжился, — ехидно отметил ворон, заслужив тем самым от Хозяина убийственный взгляд.

— А то есть тут чем заниматься, хоть какое разнообразие за столько лет, — зашипел на Мрака, к тому на миг склонившись, — да и раз взялся — учить нормально надо, а то потом на экзамене опозорит еще... спросят же, у кого училась. Весь конклав потом будет письма слать, частушки похабные

придумывать.

— Может, и сама училась... — пробурчала недовольно Весенья. Еще учить не начал толком, а уже говорит, что опозорит она его, да еще и так обсуждают, точно нет ее тут. Лесьяр на ту реплику голову к ней поворотил, улыбнулся одними губами.

— Не смейся, красавица, — и снова по волосам по своейски потрепал, вот, взял манеру возмутительную! — с синим уровнем силы самой тебе не выучиться. Так и шарахала бы на каждый чих сырой энергией.

Обошел ее по кругу, как-то странно руками по воздуху водя, точно щупая что-то. Девушка за ним взглядом следила, да головой крутила, в любой момент готовая по наглым пальцам хлопнуть, ежели те не только воздух щупать примутся. Разглядывает ее, как экспонат какой.

— Как у тебя с чувством источника? — спросил в итоге, видимо не найдя, что искал. А если и нашел, то ей сообщать нужным не счел.

Пожала плечами в ответ, знать бы еще, как его чуют надобно.

— Когда ты выпускаешь силу, что-то чувствуешь?

— Внутри тянет, — прижала ладонь к груди, припоминая, — вот здесь. И словно бы бурлит что-то, а потом выплескивается.

— А когда светляка создаешь? — и голову набок склонил, ответа ее дожидаясь.

— Ничего особого... так, щекотно немного.

— М-да, все несколько более плачевно, ну да не страшно, — резюмировал, наконец, — хоть будет с чем повозиться. Для начала тебе нужно научиться чувствовать источник. Начнем именно с этого. Я создам вокруг тебя вакуумную энергетическую сферу. Твоя сила должна среагировать на это, попытаться защитить тебя, ты должна запомнить эти ощущения.

Весенья понятия не имела, что такое «вакуумная энергетическая сфера», все ж в университетах не училась и мудреностей таких не слыхивала. Надеялась лишь, что магик ей руки-ноги на месте оставит, голову, желательно, тоже. Кивнула да еще зажмурилась на всякий случай и зубы стиснула.

Боли не было. Только мигом весь воздух исчез. Закричала бы, да из легких лишь сиплый выдох вырвался. Схватилась за шею, на мага ошалелыми глазами глядя. Что за изверг такой?

— Силу отпусти, глупая, — вздохнул, головой качая.

Перед глазами мушки полетели, в ушах кровь застучала, точно топотом копыт. Страшно так стало, что сердце в бешеном ритме зашло, а легкие загорелись.

Но уже в следующий миг отпустило.

Закашлялась, пополам сгибаясь. Это не учитель, это мучитель какой-то! Ртом воздух хватала, сарафан на груди сжимаемая, словно через кожу пытаюсь сердечко успокоить.

— Ты ее убьешь так, дур-р-рень! — неодобрительно захлопал крыльями ворон.

— Это... это что такое было? — едва отдышавшись спросила Весенья, сама уже к парапету подойдя и на него оперевшись.

— Сказал же — вакуумная сфера... — и насмешливо так, изверг.

— Она деревенская же, дур-р-рень! — но не успел ворон продолжить, как под взглядом Лесьяра того сдуло резким порывом ветра.

— Мой старый учитель часто использовал ее на учениках, — поведал он несчастную историю. Тон его, правда, несчастным при том не был, но подумалось Весенье, что коли его такими методами учили, то счастливой та история быть никак не может.

— А можно... — отдышалась, наконец, выпрямилась да развернулась к нему, в лицо его с осуждением заглядывая, — а можно ли со мной как-то полегче? Для начала хотя бы?

— Я тебя сюда не звал... — с нажимом заявил ей, да еще с улыбочкой премерзкой на губах, — коли не нравятся мои методы — выход на первом этаже.

Сжала зубы, нечем крыть. Закрались подозрения, что он ее специально изводить будет, лишь бы сама сбежала. И такая злость взяла! Она же надеется на него! Да, пусть он не обязан ей ничем. Да, она сама сюда пришла и нагло напросилась, да только некуда ей идти больше. И он ведь другим людям тоже помогает? Те ведь ходят до него со своими бедами, так чем она-то хуже?

В груди само собой потянуло, словно наливался да раздувался внутри пузырь полный тех клубящихся вихрей из стекляшки. Глаза стоящего напротив магика расширились в предвкушении и азарте. Он шагнул назад, перед собой рукой повел, отчего воздух перед ним задрожал маревом.

— А теперь пускай ее! — рявкнул магик.

Крикнула, силу выпуская, да притом шаг вперед делая, на волю чувствам отдаваясь. Понесла по каменному полу волна незримая, да осязаемая, крошево собирая и пыль поднимая. Устремилась в сторону магика. Тот, правда, даже шажочка назад более не сделал. Усмехнулся только гадливенько, наблюдая за ней.

— Уже лучше, — заявил ухмыляясь, когда волна об его щит расшиблась да исчезла. — Ощутила?

Кивнула, а сама стоит — сопит. Волосы вот растрепались из косы выбившись.

— Запомнила?

Призадумалась Весенья. Кажется, понимала теперь, о чем маг толкует. Чувство сосущее в груди до сих пор эхом пульсировало.

— Тогда попробуем что-то простое, — он снова подошел к ней, встал сбоку, — любая направленная магия, это не просто выброс силы, но и сплетение энергетических нитей. В зависимости от того, в какие фигуры ты сможешь сложить плетение, такое колдовство у тебя и получится. Умелые маги создают такие плетения силой мысли. Ты же можешь делать

это прямо руками, визуализируя нити.

«Что делаешь?» — так и было написано на лице несчастной, когда Лесьяр обернулся к ней. Так и замер на полуслове, да губы поджал. А Вешка себя такой глупой ощутила, да так стыдно стало под взором оным.

— Кружево плела когда-нибудь? — решил объяснить попроще.

— Сама нет, но видала... — отозвалась, наблюдая, как Лесьяр прямо из воздуха нити черные достает да перед собой их подвешивает и сплетает друг с другом легкими касаниями кончиками пальцев. На ее ответ кивнул, а сам плетение закончил и к ней по воздуху подвел.

— Это плетение воды, — пяток ниток он связал между собой, образовав ромб, — если я напитаю его силой... — протянул руку, а мигом позже прямо перед ними появился водяной шар, — получу воду. Когда ты вызываешь светляка, то представляешь себе клубок света, это тоже плетение, но еще и само слово имеет силу. Есть заклинания, которые нужно зачитывать вслух наравне с переплетением нитей, — еще один быстрый взгляд на нее, удивленно глядящую на водяной шар парящий в воздухе, — но тебе такое пока рано. Начнем с визуализации нитей.

Не заметила Весенья, как он совсем близко к ней встал, почти грудью спины ее касаясь. За кисти взял, ее руки со своими поднимая. Веша на него через плечо покосилась, да лишь кончики черных волос увидала.

— Не отвлекайся, — прошелестел над самой ее макушкой, — смотри перед собой.

А сам ее пальцы в своих сжал да стал плавно водить по воздуху вверх-вниз. Странное движение, словно танец какой.

— Почувствуй между ладонями энергию, ощути ее в себе, вспомни то ощущение перед выбросом силы.

Весенья прислушалась к себе, хотя внезапно бархатный голос и слишком уж близкое мужское соседство, что таить, отвлекали. Сосредоточилась, вызывая в памяти то самое существующее чувство.

— Помни, что магия повсюду, — а он словно бы уже шептал ей на самое ушко. Мягкий, слегка вибрирующий его голос проникал глубоко, заставляя дышать глубже, — в воздухе, в каплях дождя, под твоими ногами и в тебе самой. Магия — есть наша суть...

От его пальцев тепло шло мягкое, едва пульсирующее. А между ее собственными ладонями уже словно плотный незримый шар ощущался, как мячик упругий. Почудилось Весенье, что легкая рябь по воздуху пошла и тот час маг ее рукой повел по этой ряби, а Весенья восторженного вздоха не сдержала. Ощутила, как рука ее через нить силы прошла, та на миг показалась даже, едва различимая, голубенькая такая, тонкая и дрожащая.

Обернулась к магику, счастливыми глазами сияя.

— Получилось! — да так и замерла, потому как он вдруг

слишком близко к ней оказался. Потерялась в свете глаз необычных, да в чертах лица, коих у деревенских мужиков не видывала. Красивый все же этот Топи Хозяин.

А он и сам обмер, когда неподдельную такую радость в девичьих глазах увидал вдруг. И понимал, что непростительно долго в них вглядывается, да только искренности такой чистой давно не видывал. Приходили к нему девы разные, да все за шелками-жемчугами, себя предлагая, да кровь свою ему оставляя. В деревнях окрестных боялись его, предрасудками накормленные. Посему, чтоб вот так, давно он ни с кем общения не заводил.

Веша первая потупилась, из рук его выскальзывая. Магик и не держал.

— Потренируйся, пока прочную нить не сможешь проявить и хотя бы коснуться, чтоб та не растаяла. Тогда дальше продолжим.

Кивнула послушно и сама уже в воздухе принялась руками водить, как он показывал. А Лесьяр следил, стало быть, чтоб все ладно шло...

Глава 5

Следующие несколько дней Весенья только и делала, что водила руками по воздуху. Порой у нее снова появлялось ощущение тугого шара силы между ладоней и в этот миг удавалось вырвать из воздуха синеватую нить. Та, впрочем, больше напоминала дымку, чем что-то, из чего можно сложить плетение.

— Сконцентрируйся, наконец, — вздыхал маг, наблюдая за ее потугами. Лучше бы предложил что-то стоящее! Видит ведь, что не выходит! Словно ему удовольствие доставляло за ее потугами наблюдать.

Сегодня погода выдалась особенно хмурой, грозовые тучи мчали по небу и готовились вот-вот разразиться дождем. Ветер, почти ураганный, нещадно трепал одежду и дергал за волосы. Точно сама природа злилась вместе с Весеньей.

Сколько еще дней она будет впустую водить руками по воздуху? Ясно ведь, что ничего не выходит! Пусть тогда, в первый раз, она почти смогла, но ведь то с его помощью, а сама... На днях она даже пирог спалила, отвлекшись и пытаясь выудить нить посреди кухни. А Лесьяр только стоит и смотрит на все это. Руки на груди сложит и замирает черно-волосым истуканом, с самого рассвета и пока солнце в зенит не войдет. Ничего больше не объясняет, не советует. Они вообще почти не общались.

— Продолжай, — только это от него и слышала.

Еще несколько раз нервозно махнув ладонями, Веша все же всплеснула руками:

— Ничего не выходит! — она обернулась к нему. На лице девушки явно читались злость и обида. — Сколько дней уже, и я ни одной нити выудить не сумела!

— Плохо стараешься... — ровным тоном отозвался магик совершенно равнодушно наблюдая за ее вспышкой.

— Я стараюсь! Правда стараюсь! И прислушиваюсь к себе, вспоминаю те ощущения, как ты говорил, да ничего не выходит! — ногой бы еще притопнула, да сдержалась.

— Ладно, хватит на сегодня, — вздохнул он и направился к открытому люку.

— Но я так не научусь ничему! — в сердцах все же шагнула следом, хватая магика за рукав. Лесьяр смерил ее взглядом с головы до ног, прищурился уничижительно, остановился на зажатом в ее пальцах рукаве.

— Пока ты не освоишь нити, заклинания тебе будут не подвластны, а значит мы не сдвинемся дальше. Пока ты не научишься ясно ощущать источник, не сможешь его контролировать. И поверь, способность использовать нити прямую связана с источником.

Девушка с обреченным вздохом разжала пальцы, отпуская мага.

— Вчера вечером я снова не сдержала силу. Случайно пустила из крана слишком горячую воду, обожглась и заморо-

зила ее... — призналась, не зная зачем, — я не хочу, чтобы меня лишили ее.

— Тогда завтра утром ты снова придешь сюда и продолжишь, — и смотрит на нее так, словно свысока.

Кивнула. А что еще оставалось? Может быть она слишком быстро хочет результата?

Лесьяр скрылся в люке, а Весенья подошла к парапету. Оперлась на него руками, вглядываясь в черноту неба. Тучи сгущались, перетекали одна в другую, комкаясь и напиваясь тяжелой влагой.

— Не выходит? — рядом примостился Мрак. Ворон всегда появлялся под конец их занятий и становился дополнительным свидетелем ее позора. Веша покачала головой.

— Не понимаю, что я делаю не так? — вздохнула, ни к кому толком не обращаясь, — я постоянно думаю об этом, пытаюсь снова и снова, а воз и ныне там.

— Может, ты слишком много думаешь? — спросил пернатый, припрыгав поближе и заглядывая девушке в глаза. — Магия это не только сухая наука, но и эмоции, чувства...

— Ох, не знаю, Мрак...

Первые капли дождя упали на серый камень. Вдалеке раздался раскат грома.

— Пойдем внутрь, девочка, — ворон слетел с парапета к люку. Веша вздохнула. Бросила еще один понурый взгляд на округу и поплелась к проходу.

Вместе они спустились по лестнице. Мрак пристроился на

плечо Весеньи, как часто делал в последние дни. Сперва Веша побаивалась его клюва и когтей, но теперь даже привыкла к тяжести птицы на плече.

— Ты испекла лепешки? — заговорщицки прокряхтел ворон ей на ухо. Девушка улыбнулась, то как этот птиц полюбил ее стряпню ей неизменно льстило.

— Испекла, еще вчера с вечера, — они вышли в нижний зал, когда по полу вдруг пошла дрожь. Да такая, что Весенье пришлось ухватиться за стену, чтобы не свалиться. — Что это было?

Мрак перелет на балку под потолком.

— Иди в свою спальню, девочка, — велел ей ворон, ничего не объясняя.

— Что? Нет! — возмутилась она.

На лестнице послышался торопливый топот, а после в зал буквально вылетел Лесьяр. Вид он имел при этом весьма взволнованный.

— Мрак! — позвал строго.

— Да здесь я, — ворон слетел на плечо Хозяина, — быстрее!

Они вдвоем направились в сторону лаборатории, где давеча Веша вместе с потаньками наводила порядок.

— Иди к себе! — снова прокряхтел ворон. Лесьяр же все не обращал внимания на нее.

— Вот еще! — фыркнула девушка, наблюдая в открытую дверь, как магик роется на полках. Он то и дело подносил к

глазам темные бутылки, но после швырял их обратно.

— Почему так рано в этот раз? — рассерженно причитал при этом. — Еще и одной луны не миновало.

— Эй! — возмутилась девушка, глядя, как мужчина снова учиняет сущий беспорядок на полках. — Ну-ка прекрати раскидывать!

— Не до порядка сейчас, — прошипел, лишь на миг обернувшись на нее.

— Скажи, что ты ищешь, — с осуждением расставляя все на место, отозвалась Веша, — я только недавно здесь чистоту наводила.

— Кровь, желательно девственниц, — а сам дальше роется.

— Очень смешно, — цыкнула, упирая руки в бока. К язвительности и беспардонности мага она еще не привыкла. — Я вообще-то серьезно, помочь хотела.

По башне снова прошла дрожь, от чего несколько стекляшек полетели вниз, разбиваясь вдребезги об каменный пол.

— Нет времени, Лесьяр! — Ворон снова хлопал крыльями, как бывало, когда тот особенно волновался.

Маг замер, словно задумался о чем, а после на пятках развернулся к Веше.

— Ты девственница? — за плечи ее стиснул впритык к ней склоняясь.

— Что? — лицо девушки ошарашенно вытянулось от такого вопроса.

— Девственница, спрашиваю? — и смотрит в упор опять, а глаза снова светить начинают. Серьезный такой, без тени ехидства.

И так гадко Весенье стало, потянулась прочь из хватки его, но магик не выпустил. Чувство тревоги начало разрастаться где-то в груди.

— Отвечай! — да еще и встряхнул ее. Легонько, но Веша вся сжалась от того.

— Ты пугаешь ее, Лесьяр, — осторожно пояснил ворон, — ответь, Весенья. Тебе никто не собирается делать ничего плохого, — и говорит так, словно с детьми.

Взгляд потупила, ощущая, как щеки рдеют. Кивнула. И ведь ничего плохого в том не было, да только ведь многие ее ровесницы в ее-то возрасте уже не первого дитятю нянчат.

— Отлично, идем со мной, — за руку ее схватил, да за собой повел.

— Можно и здесь набрать, — начал было ворон.

— Нет времени, — перебил его маг.

Они спешно выбежали на улицу, огибая башню.

Хотела бы Веша понимать, что здесь происходит. С чего обычно совершенно спокойный Лесьяр вдруг так взволновался? Да только чутье подсказывало, что совсем не время для расспросов, а пальцы, с силой сжатые в мужской ладони, тому были дополнительным подтверждением.

Они обошли башню, приблизившись к люку с обратной стороны. Тот примыкал к основанию каменной кладки од-

ним краем и состоял из двух распашных дверей.

Веша уже видела этот лаз, даже пыталась открыть большой засов, да не смогла. Хотела у Лесьяра спросить, да забыла. Теперь же маг открыл засов лишь щелкнув пальцами. Дверцы раскрылись являя перед собой лестницу вниз. Та была едва различима в зеленоватом свечении, исходящим откуда-то снизу.

— Осторожно, ступеньки, — бросил через плечо, утягивая девицу за собой. Мрак полетел вперед.

Внутри оказалось сыро и холодно, точно склеп какой. Веша поежилась.

Стоило спуститься на несколько шагов, как люк позади захлопнулся, от чего девушка еще и вздрогнула, кинув назад опасливый взгляд.

— Лесьяр...? — позвала мага, пытаясь от того пальцы высвободить. Сейчас лишь осознала, что он искал в тех бутылках и связала с тем вопросом, какой он с нее вытребовал. — Лесьяр, отпусти меня, — попросила уже испуганно.

— Не время, Весенья, — он даже не обернулся, утягивая ее дальше к источнику свечения. Кажется, мысли его сейчас были заняты совсем иным.

Вряд ли он убьет ее, ведь правда? Сглотнула про себя, чуя недоброе. Бутылки ведь он искал маленькие, значит крови много не надобно...

Они спустились в самый низ, через арку и вышли в просторный зал, в центре которого высился огромный валун в

два человеческих роста. Черный, он весь был испещрен прожилками зеленого, которые и испускали свечение, да такое яркое, что в зале было светло, словно днем.

— Сюда, — он потянул ее дальше, вдоль стены, к столу с ящиками, на котором стояли пустые стеклянные флаконы и лежали разные алхимические инструменты.

Веша остановилась рядом, пока Лесьяр вместе с вороном что-то искали в ящиках стола.

Камень притягивал взгляд, он словно бы рос из пола. Присмотревшись, Весенья заметила, что его окружает вязь символов, высеченных прямо на кладке. А в светящихся прожилках полным полно мелких значков, точно какие-то письмена.

Вдруг свечение начало блекнуть. Зал погружался в темноту. Веша закрутила головой, выиская, может быть, какой факел на стене или...

— Святъ, — но магия не отозвалась. Это лишь усилило панику, Весенья заметалась, — Лесьяр? — обернулась к магу, глядя на того огромными своими глазами, но тот не обратил внимания, выживая из ящика что-то замотанное в тряпицу.

И когда тьма почти полностью сомкнулась, а Веша наощупь по стене попыталась добраться до выхода, камень загудел. Казалось, вибрация этого гула идет из самих глубин земных, нарастая с каждой секундой. Будто бы что-то рвется наружу из самой Нави, стучится настойчиво, ломится.

Весенья зажала руками уши, чувствуя, словно бы ее и саму сейчас сдавит, сплющит. Еще немного и потопит в низком раскате неизвестной злой силы. И когда совсем уже немоготу стало, внезапно все прекратилось. Время само будто замерло, остановилось, лишь всхлип девичий тишину разорвал, а после — грохнуло раскатом. От валуна кругом во все стороны волна прошла, да такая, что все кругом ходуном заходило — и пол, и стены и потолок. Следом за волной зеленой вспышкой затопило, от чего даже глаза заслезились. Поспешила Весенья лицо ладонями закрыть, спрятаться.

«Да что же здесь происходит?»

Подхватили на руки. Веша ухватилась пальчиками за магову мантию. В лицо его вгляделась решительное.

— Что...?

— Позже, — оборвал на полуслове маг. Поставил на ноги рядом с письменами на полу. — Я объясню тебе все после, — и глядит на нее так осторожно, словно бы... спугнуть боится? Сам при том тряпицу, что в руках доселе держал, развернул. Блеснуло лезвие в свете зеленом, Веша невольно шажок назад сделала. — Весенья, сейчас правда нет времени. Поверь, пожалуйста, я не причиню тебе вреда... — проследил за направлением девичьего взгляда, устремленного на острие ножа в его руке, — ну, почти. Но так нужно, прошу тебя.

Хотелось развернуться и убежать. Сверкать пятками до самого Яснограда, лишь бы подальше отсюда. От этих светя-

щихся желтизной глаз на бледном в зеленом свете лице. От острия ножа, сверкающего столь опасно и жутко. Да только было что-то в глазах Лесьяра, от чего Весенья зубы сжала и вперед шагнула, протягивая руку в его ожидающую раскрытую ладонь. Показалось даже, что маг при том выдохнул с облегчением. Ухватил за запястье.

— Будет больно, но совсем недолго, — и полоснул по девичье ладошке, от чего Вешка снова всхлипа не сдержала, да даже подскочила маленько. Магик не отпустил, потянул ее вниз, от чего они оба на колени встали. Порез уже сильно кровью набух, а магик ее руку в кулачок свернул, да ладонью вниз повернул. Заметила Веша, что в полу среди слов начертанных на незнакомом ей языке имеется вроде как углубление, словно чаша какая. Туда то ее кровушка капать и принялась.

— Вот так... — подбодрил ее магик.

Вместе с тем, как чаша наполнялась, наливались алым свечением и сами письмена, ярким кругом оттеняя зелень камня. И когда все они засветились равномерным красным, Лесьяр отпустил ее. Веша отодвинулась, прижимая раненую руку к груди. Боль пульсировала в ладони, но девушка уже не обращала внимания, наблюдая за магиком, который, поднявшись, принялся нараспев голосом своим бархатным читать заклинание:

— *Te adiuro cum sanguine virginis sponte datae, dormiunt et non evigilant a aurora ad occasum et dum sol dormit,* — клубы

черного тумана завихрились вокруг него, переходя от ног к рукам и сплетаясь вязью вокруг валуна, пока не образовали единый непроницаемый кокон. А после тот словно впитался внутрь, исчезнув.

Только теперь Весенья выдохнула, поняв, что все это время пребывала в ужаснейшем напряжении.

Лесьяр тоже отступил, присел на край стола. Зарылся правой рукой в волосы, убирая те с лица. Вид при том магик имел весьма уставший. Сейчас, как никогда, Весенья поняла, что перед ней не просто мужчина, который со скуки ее приютил, да учить взялся, а настоящий маг.

Мрак слетел со стола, где сидел все это время. В клюве ворон держал белую тряпицу.

— Завяжи пока, — положил ей на колени, поглядывая на рассеченную руку. Девушка не нашлась что ответить, потому лишь благодарно кивнула.

— Ты молодец, Весенья, — тихо вымолвил маг, улыбаясь при том одними губами. Дышал тяжело, да край стола в пальцах мял до побелевших костяшек.

— Ты... объяснишь мне?

Но магик покачал головой.

— Позже, — он оторвался от стола и направился к арке, — Мрак, присмотри за ней.

Это что же? Просто вот так возьмет и уйдет, ничего не сказав?

— Погоди, — окликнула, поднимаясь. Пошатнулась слег-

ка, в ушах ненадолго зазвенело, но быстро удалось с тем справиться, — Лесьяр!

Кинулась было за ним, но тут Хозяин обернулся и то заставило Весенью замереть тотчас. Черты лица его, обычно столь по-мужски красивые, сейчас заострились, скулы особенно выделились, глаза сверкают, да зрачок в них чернотой заливаётся на все пространство, словно бы у демона какого. Ощеренная улыбка с треугольными вновь зубами, как в первую их встречу. Бросила взгляд на руки его — пальцы когти венчают.

— Пусть идет, — на плечо ей снова ворон уселся, сжимая, — отойди...

Так и сделала. Магик же через силу от нее отвернувшись, отправился вверх по лестнице.

Хлопнули дверцы лаза, и тогда лишь Мрак потянул ее к выходу. А то так бы и стояла Весенья, точно громом пораженная, глядя в сторону ушедшего Лесьяра.

Поднялась по лестнице, с усилием двери открывала, а снаружи-то уже настоящий ливень хлестал. Гром ударил, что Веша присела, чуть снова на себя тяжелую створку не уронив. Мрак уже успел в щель вылететь, так девушка испугавшись одной здесь остаться, поспешила тоже наружу. Пока с засовом возилась, промокла насквозь.

— Мрак? — позвала ворона, но из-за пелены дождя и липнущих к лицу волос ничего не видеть было.

Вернувшись в башню, поспешила в спальню. Потаньки на своей постели сидя в карты играли, но как увидели промокшую, так и подскочили, засуетились кругом.

— Как же ты так, хозяйюшка? — причитал Зарька, — так и простыть недолго. Вы, человеки, хрупки здоровычком!

Весенья на то лишь рукой махнула, не в силах из головы произошедшее выкинуть. Особливо то, как уходя из подземелья Хозяин выглядел. Неладное тут творится...

Задумалась в кои то веки, с чего вообще магию на болотах в башне жить? Богатствами не обделен, статью, стало быть, тоже. Такому в городе место при штатной должности и высоком чину, а он — на болотах, с нечистью. Ходили слухи, что сослали сюда магика за прегрешения какие-то. Кто-то говаривал, что сам переехал от суеты городской уставши, да только теперь закрались подозрения в девичье сердце, что причина сему иная.

— Что за камень под башней? — спросила рассеянно у чертят. Те только между собой переглянулись и головы сложили.

— Нам о том болтать не велено, хозяйюшка, — и хвостами друг с дружкой сцепились. Знать, не расскажут. Вериславка вон еще и копытцем перед собой шаркает, а на Вешку и не смотрят.

— Ладно, — протянула руки, по макушкам потрепала, — ступайте в кухню, очаг растопите пожарче, — попросила потанек. Мальцы расторопно из комнаты сбежали, мало ли хо-

зяюшка еще расспрашивать решит?

Придется Лесьяра ждать. То что мага в башне нет Веша неизменно каждый раз ощущала. Словно бы с его уходом сама башня тосковать начинала, грустить каждым камешком. Была какая-то связь между этим местом и самим магом. А то что башня живая по-своему, Весенья уж и вовсе не сомневалась.

С трудом стянув промокшее платье через голову, девушка вся сжалась. Осень приближалась, и ночи с каждым днем все холоднее напоздали. А сейчас, в грозу такую, сырость и промозглость и вовсе до костей продирались.

— Холодрыга, — растирая плечи руками, переступила с ноги на ногу, думая, во что бы теперь укутаться. Сарафанов то нетуть больше.

Сверкнула молния, комнату светом заливая. А после — заскрежетало позади.

Вешка медленно обернулась, уже не зная, чего и ожидать, да увидав — охнула. Каменная кладка стены двигалась, распозаясь в одних местах и множась в других. Несколько мгновений прошло, как в стене камин появился. Не веря глазам своим Весенья приблизилась к нему и провела рукой по холодной поверхности.

— Вот спасибо, — услышала ее, стало быть, башенка, позаботилась. Вешка даже внутрь голову сунула — дымоход во тьму тянулся...

На том волшба не прекратилась. За спиной дверь заскри-

пела, да не входная, а в другой боковой стене, хотя и не было ее там доселе впомине. Вешка чуть головой не приложилась, подскочив и оборачиваясь.

Деревянная дверь, чуть в стороне от шкафа, была чуть приотворена.

— И что же там? — спросила, улыбаясь, хоть и понимая, что вслух ей никто не ответит.

Заглянула внутрь и ахнула... Большая бадья, гладкая такая, сверкающая, то ли из камня серого, то ли из чего другого, а над нею кран из стены с двумя вентилями. Здесь же зеркало большое и раковина для умывания. Туалетную-то комнату Весенья давно нашла, та за последней дверью в круглом зале скрывалась. Туда и с тазиком теплой воды, в кухне набранной, умываться ходила. Не удобно, конечно, да лучше, чем ежели вовсе не мытой.

Тут же и шкафчик нашелся, а на полках — большие пушистые полотенца и большой безразмерный халат с поясом, махровый.

— Вот так подарок. Благодарю, тебя, — поклонилась даже, не зная, правда, видно ли то башне, но надеясь, что та проникнется и благодарность услышит.

Набрав целую бадью горячей, обжигающей почти, воды, да запершись изнутри, Весенья не без удовольствия в нее погрузилась. Тряпицу с ладони развязала, на порез глядя. Не глубокий, но больнющий, через всю ладонь тянется. Хорошо хоть рука левая, да все равно с работой теперь нелегко справ-

ляться будет. Хорошо, хоть помощники имеются. Опустила руку в воду, зашипела. Жглось, что пришлось губу прикусить. Вода тотчас алым окрасилась. Не стала больше держать, вынула, да на бортик положила. Ничего, заживет.

Спиной откинувшись, глаза прикрыла.

Череда сегодняшних событий сама собой в голове понеслась. И ярче прочего в той череде глаза Лесьяра сверкали. Что за тайну он хранит? Что за камень под башней прячет? И что ей-то теперь со всем этим делать? А надо ли вообще чего делать? Одни вопросы...

Нет, не дело это. Так она совсем изведется. Села, за колени себя приобняв. Волосы распущенные медом растекались по воде.

Ничего, она от магика все ответы получит. И подсобит тому, чем сможет. Точно. Он ее не выпроводил, когда она к нему заявила, вот и она сама теперь не отвернется.

На том и порешила. Улыбка сама собою на губах заиграла. Вот что горячая водица с девицей сделать способна — сразу на душе полегчало.

Глава 6

Что-то на грани яви и сна упорно мешало. Что-то заставляло морщиться и искать более удобное положение. Вообще ощущалось все как-то очень странно. Она спала... полусидя? Но было так тепло, так хорошо и расслабленно.

Вздрогнула. До спящего разума эхом донесся какой-то стук. Тот, впрочем, быстро прекратился. Вот и славно, можно и дальше сладенько...

Вдруг что-то дернуло вверх. Подхватило нещадно, потянуло, отрывая от опоры, да еще так холодно внезапно стало, точно из неги блаженной достали и в мерзлоту ее швырнули.

Открыла глаза, сонно моргая, не понимая, что за шум и почему все так вопят.

— Весенья! — маг положил ее прямо на холодный каменный пол возле той огромной бадьи, голову пристроив себе на колени, и теперь настойчиво пихал ей под нос какую-то мерзко пахнущую дрянь.

Девушка чихнула, отпихивая в сторону руку Лесьяра.

— Хозяюшка! — а потаньки то тут же, на коленочках встали, за ручку ее держат, в глаза заглядывают.

— Что случилось? — со сна Весенья как правило еще какое-то время любила полежать, пока разум в себя придет. Но тут что-то совсем не то чуялось. И зябко так. А Лесьяр смотрит, глаз не сводит, в лицо ее вглядывается.

— Ты что, в ванной уснула? — почти шипит ведь сквозь зубы, желваки так и ходят. Чего так злится? И сейчас лишь Весенья поняла, что магик весь промокший, с рукавов мантии и подавно течет ручьем.

— Я? — моргнула переводя взгляд с Хозяина на бадью с водой, — похоже...

Поежилась снова, и тут только поняла... что совершенно нагая лежит перед посторонним мужчиной. Села тут же, спиной к нему, руками прикрыться пытаюсь. Зарька вот полотенце поспешно ей подал, а Славка утешительно по плечу гладил, перед ними почему-то стыдно не было. Чертята все же не люди, и уж точно не взрослые мужчины.

— Бес бы побрал это все, — проворчал магик, поднимаясь с пола, — ты зачем всех так сгоношила?

— Так разве я звала...? — не решаясь обернуться, попыталась оправдаться, но Лесьяр лишь простонал обреченно и поспешно покинул ванную, только дверь и хлопнула.

— Это мы позвали, — признался Славка, виновато глядя на девушку, — мы стучались, а ты не отвечала. Потому и решили магика привести, мало ли что случилось.

— Да-да, хозяйюшка, переживали! — подключился Зарька, — он дверь то заклиниванием открыл, а там ты лежишь, глаза закрыты, с руки кровь капает. Ну мы и решили, что ты того...

Теперь то Вешке все ясно виделось — ее в воде горячей разморило, задремала, стука не слышала. А как дверь к ней

открыли, так и узрели картину маслом, стало быть... Порез видать еще не подзажил достаточно и все равно кровью сочился, хоть и не сильно, а пока она лежала недвижимо, на краю ванной развод алый образовался.

Прикусила губу. Стыдно так стало. Лесьяр, по всему видать, за нее тоже распереживался, а она вместо «спасибо» за беспокойство его, ещё и оправдываться начала, что не звала.

— Поможете волосы ополоснуть? — вздохнув, спросила у чертят, глядя на рассеченную ладонь.

Получасом позже, кутаясь в большой мягкий халат, Весенья выглянула из комнаты. В круглом зале стояла тишина, лишь с кухни слышалось потрескивание очага, да плясали отсветы пламени на полу и стенах.

Лесьяра на кухне не оказалось, потому Весенья лишь вздохнула, сама не определившись — облегченно или с сожалением. С одной стороны — очень хотелось выпросить у того обо всем произошедшем. С другой — так неловко было, что она перед ним... без одежды.

Фыркнула себе под нос, да головой помотала. Нечего о таком думать! Она, конечно, себе цену знает, да только у магика и так девок при желании — все окрестные деревни сбегутся, только позови.

Подвесила в очаг на крюк чайник, решив заварить смородиновых листьев.

Позади кашлянули, Вешка аж подскочила, банку с листья-

ми выронив. Ту, впрочем, быстро подхватила ловкая рука.

Лесьяр стоял совсем близонько. Весенья развернувшись чуть не в грудь тому уткнулась. Да так и обмерла, даже дыхание затаила. А магик, как специально, стоял и не отходил.

Подняла медленно взгляд, натываясь на его внимательный и изучающий.

— Спасибо? — пискнула, то ли спрашивая, то ли благодаря.

Улыбнулся, банку на стол поставил и отошел, наконец. Для чего только так надолго задержался?

— За что? — ответил насмешливо, через стол от нее устраиваясь на стуле. И сразу легче как-то стало, не столь волнительно, словно стол — баррикада, черта безопасности.

— Что банку поймал, — пояснила девушка, все же берясь заваривать смородину, — и что... — замялась, понимая, что краснеет нещадно, — и что в ванную пошел меня спасать, хотя то и не нужно было.

Кивнул, благодарность, стало быть, принимая.

— Подручные твои — суеты главные учредители. Но лучше так, чем равнодушные бы были, оболтусы... — а сам следит за ней с легкой улыбкой на тонких губах, пальцами по столу задумчиво барабанит. — Но сегодня не тебе меня, а мне тебя благодарить надобно, Весенья.

Что тут скажешь? Веша тоже кивнула, не найдя слов подходящих.

— Расскажи, что это за камень? — села тоже за стол, на-

против. Руки в замок сцепила, серьезная.

Лесьяр же на ее вопрос поморщился. Знать, не горел желанием тайной своей делиться, да только уже слишком много увидала Весенья, да и помогла споро, заслужила в число посвященных войти.

— Ты слышала о Ка'гаре? — вопросом на вопрос ответил и голову набок склонил выжидающе.

— Ведьма древняя, — призадумалась Вешка, вспоминая, — злая, говорят, была. Много горя принесла, да сгинула уже давненько. Я еще и не родилась тогда, да до нашей деревни только рассказы и доходили. Страшилки, какими детей пугают.

— Кагара была темной ведуньей, это верно, — вздохнул Лесьяр, взглядом куда-то внутрь себя погружаясь, — она практиковала магию, столь лютую, что даже местная нечисть не рисковала в те ритуалы ввязываться. пытки и жертвоприношения это только малая часть ее прегрешений. Кагара грезила вечной жизнью и была готова идти к ней по головам, хоть в переносном смысле, хоть в прямом. Она научилась пить чужие жизни, и тем себя питала. Не одно десятилетие конклав магов пытался ее остановить. В итоге поймать — поймали, но убить так и не смогли. Слишком много жизней она выпила, потому единственным верным решением было заточить ведьму, пока та не ослабнет.

— Так значит там...? — Весенья уже догадалась к чему клонит магик, и теперь с нескрываемым страхом на лице по-

казывала пальчиком в пол. Лесьяр кивнул.

— Я говорил тебе, что девицам здесь не место, — выдохнул еще более устало, — каждые тридцать лет конклав магов присылает сюда нового Хранителя. Мы следим, чтобы камень оставался в целости и обновляем заклятие, которое сдерживает ведьму. Как правило это требуется раз в луну.

— Кровью? — снова смекнула Вешка.

— Какая догадливая, — усмехнулся маг, — да, кровью. И желательно чистой, потому кровь девственниц, не оскверненная, подходит лучше прочего. Других людей тоже подойдет, но только отданная добровольно. И если это кровь девушки, то магическая энергия для подпитки должна быть мужской, равновесие... А тайну камня хранят, мало ли у старухи приспешники имелись? Или фанатики какие захотят освободить бедняжку, — последнее с особенной ехидностью обозначил, всем своим видом к ведьме отношение выказывая, — так что болтать о нем не вздумай.

— Поэтому тебе и приходится...? — Весенья не знала, как правильно назвать то, что делал Лесьяр. Доить прихожанок?

— Да, мне приходится просить у проходящих девушек их крови. Впрочем, немного, ты сама видела, сколько достаточно отдать. А взамен они получают, что просят. Конклав достаточно богат, чтобы спонсировать легенду о Хозяине Топи, что любит лакомиться девичьей кровушкой.

— Тогда зачем ты при первой нашей встрече в меня зубами вцепился? — тихо, но строго проговорила Весенья, по-

дозрительно щурясь.

— Чтобы напугать, ясное дело, — он улыбался, но казалось Весенье, что больно натянута та улыбка.

— А что тогда сегодня было с тобой после?

— Ты о том, что... — он поводил пальцем вокруг своего лица, на что Веська кивнула. — При обновлении заклѣтия маг невольно соприкасается с силой Кагары, что немного... хм... искажает. Но это временный эффект. Как видишь, со мной уже все в порядке, — он качнулся на стуле назад, да так и замер, откинувшись на двух ножках, — и еще раз спасибо тебе, что не испугалась и подсобила. В последнее время девицы не захаживали на болота и мои запасы подопустили. Думал, что успею до следующей луны, но защита ослабла раньше. Видать, кровь, что я дал камню в прошлый раз, оказалась недостаточно чистой. Или отдали ее мне больше через силу, чем по доброй воле.

— Я могла бы... — Веша прикусила губу, раздумывая, но собралась с силами и посмотрела на мага прямо, — я могла бы давать тебе немного крови. Как плату за учебу и проживание.

— А как же уборка? — и снова с таким ехидством, да еще на стуле покачивается, а сам за ней взглядом напряженным неотрывно следит.

— Если честно, я уже все везде прибрала... — потупившись отозвалась еле слышно. — А поддерживать чистоту не так и сложно.

— Это точно... — отозвался он, — особенно если владеешь бытовыми заклинаниями.

Смысл сказанного дошел не сразу, а когда поняла, Веша вскинулась:

— А ты ими владеешь? — спросила еще не до конца веря. Но Лесьяр кивнул, едва сдерживая смех, хотя в глазах тот так и искрился, — так ты значит мог и сам все убрать? Просто магией?!

— А чем бы ты мне тогда платила? — все же хохотнул магик.

— Нашла бы чем! — даже с места подскочила.

— Вот теперь нашла... — проговорил ехидно.

— Так почему же у тебя такая грязь в башне была? Ей же плохо от того было! — всплеснула руками в искреннем негодовании.

— Мы с ней поссорились, — выдавил ядовито, — и я сказал, что месяц не буду обновлять очищающие заклęcia, а в то время как назло черти зачастили. Сама видела, как они себя ведут.

Кивнула, обратно за стол садясь.

— Так значит... договоримся? — резать руку каждый месяц было боязно, но что-то подсказывало, что Лесьяр этого предложения очень ждал. У магика вроде как даже лицо разгладилось — ушли суровые морщинки между бровей и на лбу.

— Только если пообещаешь мне кое-что, — а сам медлен-

но вперед наклонился. Глаза вот опять светятся, окаянные, взгляда оторвать не дают.

— Что же? — спросила замерев, а голос то слышится едва-едва, на этого магика глядя.

— Что не влюбишься в меня, — и снова улыбка, да хищная такая.

— Вот еще, — фыркнула Веша, вот скажет тоже! Нет, он красивый, конечно, но разве может она в такого влюбиться? Патлы черные... что вороново крыло синевой отливают, жесткие даже на вид, лицо с аристократичными чертами выгодно оттеняют — скулы высокие, глаза выразительные, что колдовски к себе притягивают своей необыкновенной желтизной, а уж как светиться начнут... Вот как сейчас, точно свет всего мира в них сосредоточен. Веша даже вперед подалась, но тут же назад откинулась, за стол хватаясь, — Лесьяр!

А тот смеется. Не показалось значит — привораживал.

— «Камень укрепит кровь нелюбимых отданная добровольно. Кровь любимых же, отданная через силу, чары разрушит», — проговорил уже серьезно, — потому издавна и приняли решение только одного мага посылать. Сперва пытались парами, одна — отдает кровь, другой — силу. Но дело кончалось детьми и слишком частой сменой почетного караула.

— Тогда это тебе надобно бояться в меня влюбиться, — не удержавшись съязвила Веша, хотя тут же прикусила кончик языка.

— Вот еще, — повторяя ее же реакцию отозвался Лесьяр, — как будто мне здесь девиц мало. Да и ты не в моем вкусе. Веша смерила его вопрошающим взглядом.

— Забыла что ли, что я тебя уже всю видел? — вот ведь какая зараза! Вешка швырнула в магика, что первое под руку попало — рукавичка-прихватка, а тому все смех! — Да успокойся, там и смотреть-то не на что!

— Я тебе дам не на что! — за первой прихваткой полетела вторая. А паскудник только знай — уворачиваться.

— Давай уже взвар твой пить, — возвращая ей прихватки и отсмеявшись взмолился он. И несмотря на недовольное сопение Весенья была благодарна магику, что тот вот так все обернул, смехом, да подначиваниями. Напряжение прошедшего дня будто бы само улетучилось.

— А тогда, когда гости здесь были, вы про трещину в этом самом камне говорили? — спросила как бы между прочим, разливая напиток по глиняным кружкам.

— Подслушивала, значит? — он обхватил кружку пальцами, греясь, да на Весенью с хитринкой поглядывая.

— Случайно... — а сама с ним взглядом встретиться боится, стыдно стало быть ощущалось.

— В нем, да, — нехотя все же признался магик, — порой в нем появляются расколы. Их надобно запечатывать, но то требует особого ритуала. Видела, сколько жил в нем светящихся? Это все запечатанные трещины и есть. Я готовлю ритуал, время есть.

Веша кивнула, отпивая из кружки. Запах смородиновых листьев, их мягкий привкус на языке, неизменно навевали приятные и теплые воспоминания о солнечных летних деньках. Сейчас, когда за окном хлестал ливень, а гром порой проносился раскатами по небу, это было весьма кстати.

— Значит и нелюди тоже знают о камне? — спросила задумчиво, на что магик кивком ответил, — и что, не пытались никак ее освободить?

— Да на что им это? — удивился Лесьяр.

— Ну как, нечисть же... — а сама и не знает как объяснить толком, думала, что очевидно это, — ведьма — зло, нечисть — зло... Разве не должно им заодно быть?

Хозяин покачал головой снисходительно.

— У тебя, Весенья, похоже, мир только на черное и белое делится. Не вся нечисть — зло. Вон твои потаньки, тоже злые?

И то верно говорит, а ведь и не задумывалась прежде. Просто считалось так всегда, что нечисть только и делает, что племени людскому козни чинит, да губит почем зря. А вот ее чертята — только в помощь были, ей не проказничали. Догадывалась Веша, что те в деревню неподалеку бегали хулиганить, ну так и человечьи дети разве до хулиганства не охотчи?

— То-то же, — подытожил магик, словно поняв, о чем девушка задумалась, — у нелюдей есть свои территории, и так уж получилось, что камень запечатали на границе земель

двух правителей — болотников и полозов. Потому те и трясутся за его сохранность. Вырвись Кагара на волю, сметет все кругом ко всем бесам, да и после житья не даст. Старуха до власти жадная, ни с кем делиться не станет. Так и раньше было, она ведь не только людей убивала. В нелюдях жизни тоже много, да еще и магической энергии куда больше, они ведь сами все — магия. Так что здесь мы с ними заодно, — завершил поучительный свой рассказ. А сам довольно жмурясь, наконец, за взвар принялся.

Говорить больше не хотелось, а тишина опустившаяся, да с шорохом дождя за окном, особенно уютной казалась теперь. Пламя в очаге плясало весело, отсветы отбрасывая, да прогоняя темноту, теплом окутывая. И, наверное, стоило бы сердечку девичьему тревожиться, обо всем узнавши, да только Вешка той тревоги не чуяла. Теперь-то словно все на места свои встало. Она поможет магику, он поможет ей. И со всем правильным показалось теперь, что она здесь находится. Не будь ее, как бы он сегодня управился?

А Лесьяр, сидя напротив, разглядывал девушку, в свои думы все сильнее погружаясь. Теплая кружка пузатыми боками ладони грела, а каждый глоток отвара покоем по телу разливался. Вымотался он сегодня, сил много отдал, чтобы запечатать очередной выброс. Стала старуха Кагара больно часто на волю проситься, надо бы главе конклава о том письмо отправить. Пусть пришлют кого, чтобы коллективным ритуалом защиту обновить от греха подальше. Вдохнул маг. Не

хотел бы он тут оказаться, ежели ведьма наружу прорвется. Но и бросить людей здесь живущих, да и нелюдей тоже, все равно не сможет. Ну да что-то мысли его не туда уводят... С чего бы это старухе вообще из заточения выбраться? Расколы на малахите и раньше случались, да поболее. Нечего волноваться. Весенья вот, ученица его, и та не волнуется. Забавная, вроде и пугливая по девичьи, да только как до дела доходит — умеет себя в руки взять, силой духа все же обладает.

— Завтра попробуем по иному с тобой помагичить, — решил Хозяин. Веша на него тут же взгляд свой подняла, удивленный такой, неверующий, Лесьяр улыбнулся невольно, — увидишь, — бросил коротко, с места поднимаясь. — Поздно уже, шла бы спать.

Кивнула, кружку со стола подхватывая. Подмывало выспросить у магика, что же он придумал, да только ведь все равно не расскажет.

Руку дернуло болью — задела порез. Зашипела, чуть не выронив посудину, да взвар расплескав.

— Я и забыл совсем, — заметил, стол обогнул поспешно, ее руку в своих ладонях к себе поворачивая, — прости, отвык я, что заботиться нужно о ком-то, — а ухмылка то какая-то грустная вышла, — мазь принесу, намажешь — к утру заживет уже.

— А давно ты здесь? — спросила, аккуратно вытягивая ладошку из его пальцев. Больно те теплые были, да держали так бережно, в груди даже душно стало.

— Прилично, — отозвался устало, отпуская, а после к выходу направился, через плечо кинув, — сейчас вернусь.

Вздыхнула Весенья и сама через зал в спальню направилась, дверь только закрывать не стала, чай поймет, что она там.

Потаньки, убедившись, что хозяйюшка в надежных руках, спали уже, довольно посапывая. Да только прежде чем легли, камин затопили, так что теперь и здесь по полу не холодом сквозило, а тепло мягкое разливалось.

— Весенья? — а ходит то, и шагов не слышно. Вздогнула даже, что голос его бархатистый, совсем рядом раздался внезапно. Обернулась порывисто, — вот, на порез нанеси, да перевяжи чем.

Кивнула, принимая маленькую баночку, полную пахучей мази.

— Спасибо.

Лесьяр тоже кивнул в ответ.

— Тебе спасибо.

— Ну, — замялась на пороге, и с чего так неловко? — доброй ночи.

— Доброй, — на улыбки магик сегодня был особенно щедр.

Дверь прикрыла, прислушиваясь, как Хозяин по лестнице к себе поднимается. А после зажмурилась, да головой потрясла — и чего слушает стоит? Спать пора!

Глава 7

— Ой, влетит нам с тобой, Славка! — причитал раздосадованный голос с кухни.

— Да мы сейчас быстренько, мети, давай.

— Да увидит под столом!

— Что тут у вас происходит? — Весенья остановилась в дверях, глядя, как потаньки, все в чем-то липком перемазанные, да еще и в дыму каком-то, вениками машут. В носу защекотало, что девушка не сдержавшись чихнула.

— Ничего-ничего, хозяйюшка, — пытаюсь загрести копытцем под стол что-то на полу отозвался Зарька. Приглядевшись, Весенья, наконец, поняла... и в чем перемазаны эти бедокуры, и что они метут.

— А мука у нас теперь рассыпью под столом значит храниться будет? Или это тоже «ничего-ничего»? — и под взглядом строгим чертята потупились и хвостиками своими переплелись.

— Мы хлеба хотели испечь, — виновато сообщил Славка.

— Так хлеб в печи нужно печь, — руки на груди скрестила, ногой притопывает, от чего потаньки только головы ниже склоняют, — а тесто месить в кадке, ну на столе на крайний случай, никак не на полу.

— Да что-то у нас все не так пошло, — еще и шмыгнул для проформы, — тесто вот убежало, а потом Славка мне на

хвост наступил...

— А нечего в облаках витать, — зашипел на друга чертенок.

— Я и не витал! — огрызнулся тот.

— Так! — прервала Веша перебранку, — уберите здесь все, да как следует. А я как с Лесьяром закончу, вместе хлеб поставим.

Потаньки неверяще на девушку исподлюбья воззрились.

— И ругать не станешь? — спросили опасливо.

— Сами тоже отмойтесь, — махнула на них рукой вместо ответа, — и без меня пока ни за какую готовку не беритесь.

Вышла из кухни, тихо посмеиваясь. Подручные ее вечно что-то бедокурили. Полы моют — обязательно ведро с грязной водой разольют. Очаг чистят — все в золе перемажутся, хорошо, коли только сами, а не все вокруг. Посадила их как-то крупы перебрать, а то в шкафах мушек обнаружила, так они половину пшена рассыпали. Казалось, порой, что те специально проказничают, терпение ее испытывают, но глядя как пяточки на красных моськах подрагивают, а в глазах слезы от обиды на самих себя стоят — тут же все эти мысли из головы выдувало. Не умела Вешка долго сердчать, а озорники тем бессовестно пользовались. Но как бы там ни было, пользы от этой парочки все же было больше, нежели вреда, да и привыкла к ним уже, чего таить. Магик то вечно где-то по своим делам шастал, на уроках с ней почти не разговаривал, смотрел только, недовольно щурясь на ее пустые по-

туги. Гости больше не заходили, чему Веша, признаться, радовалась. Мрак вот иногда залетал ее стряпни отведавать, да рассказать, что в ближайших деревнях видывал. Потому с потаньками то и веселее было, всяк не в тишине одной.

— Весенья! — окликнул голос мага, когда девушка поднялась на второй этаж башни. Двери здесь всегда прежде стояли закрытые, и оставалось только гадать, что за ними. Сейчас же в одной из них, распахнутой, стоял Лесьяр. За спиной его виднелась спальня — темная, шторы на высоких окнах плотно закрыты, в синих тонах выдержанная, толком разглядеть не успела — магик вышел и дверь закрыл, — готова к уроку?

Сегодня он был облачен в узкие брюки и в рубаху, заправленную за пояс, на ногах вместо извечных сапогов — сыromятные поршни. Странно было видеть его без привычной свободной мантии. Невольно вспомнила первую их встречу, когда этот кот-обормот вовсе без одежды явился, да тут же еще давешняя ситуация на ум пришла. Выходит, они уже оба друг перед другом пощеголять успели. Пришлось даже головой потрясти, чтобы мысли непрошенные выгнать.

— Не готова? — не понял Лесьяр ее жест, брови черные вверх взметнулись.

— Готова, конечно, — отозвалась поспешно, — забылась...

Хмыкнул магик, от чего Весенья показалось, что тот снова ее мысли читает, но и это поспешила из головы выкинуть.

— Идем, — махнул рукой, к лестнице направляясь. И что-то было во взгляде его, чего Вешка ранее не замечала. Предвкушение какое-то. Кажись, сегодняшнее занятие куда веселее пойдет, вопрос — для кого?

На третьем этаже двери тоже обычно заперты стояли, сейчас же одна из них была приветливо приоткрыта. Внутри помещение оказалось просторным, с большими окнами. Вдоль дальней стены — стойка с оружием, на полу — сложенные друг на друга маты, в центре же стояло несколько чучел, набитых соломой.

Все это больше напоминало зал для военной подготовки, а не магических наук.

— Все эти дни наблюдая за тобой, я понял, что твоя проблема в том, что ты не ощущаешь свой источник, — заходя следом за девушкой сообщил Лесьяр. — Хотя ты и утверждала, что чувствуешь его, по всей видимости не достаточно. Поэтому теперь попробуем иначе... Такую методику используют при обучении боевых магов. — Весенья лишь с недоумением наблюдала, как магик направляется к стойке с оружием и берет в руки два деревянных посоха. Один из них он не церемонясь кинул девушке и лишь усмехнулся, когда та поймала, хотя и отбив пальцы. — Ты умеешь выбрасывать сырую силу. Инстинктивно, когда пугаешься, попробуем научить тебя делать это осознанно. Многие маги используют оружие в бою, особенно те, кто обделен уровнем силы и не может плести сложные чары. Вместе с ударом, они выплес-

кивают частицы накопленной энергии... — и чтобы не быть голословным, Лесьяр с размаху ударил по одному из тренировочных манекенов. Вешка буквально кожей ощутила, как он при том силу выпустил, волоски по телу мигом дыбом встали, по коже морозом пробрало. А чучело несчастное под ударом посоха в труху разлетелось. — Попробуй сконцентрироваться на собственном источнике и ударить, как можешь сильно, — и встал перед ней, на палку в расслабленной позе опершись, да ноги скрестив.

Палкой махать, да силой швыряться это Вешка могла. Это не казалось сложным, как из воздуха магическую нить достать.

Встала напротив манекена — лицо серьезное, спина прямая, точно ту самую палку проглотила. В себя заглянула... глухо внутри было, спал ее источник и шевелиться не планировал, зараза такая. Весенья вдохнула поглубже, даже глаза прикрыла. Должно же у нее хоть что-то получиться? Что же это, она совсем бездарна? Хочет, чтобы магик ее взашей выставил? И так вон с ней возится...

Шевельнулось внутри знакомое чувство.

— Хорошо, продолжай думать о том же, — подбодрил ее Лесьяр. Знал бы, как она саму себя в мыслях ругает, наверняка бы позабавился. И как только чует силу ее, когда сама владелица то с трудом разбирает?

Но едва ощутив источник, Весенья тут же его за хвост поймала, не уйдешь, зловредина! Не для того ты дан, чтобы

спать, да выплескиваться, когда тебе одному угодно!

— Бей! — скомандовал мужской голос, и Веша с силой санданула посохом по чучелу. Вместе с тем волной вокруг пошла сила, особенно в самих ее руках концентрируясь, да дальше уходя, в дерево посоха, а после в удар. Манекен качнулся, но тут же на место встал, магией укрепленный. — Отлично, — подбодрил Лесьяр, куда более довольный, чем все прошлые дни. Весенья обернулась к нему, сияя улыбкой, на что маг кивнул, — давай еще.

Следующие пару часов Веша только и делала, что палкой размахивала. Уже руки ныли, да только ощущение, что она силу свою под контроль берет, окрыляло. После первого раза у нее снова получилось, потом еще и еще. И чем больше повторяла, тем проще становилось безо всякой злости к силе источника воззвать. До того усердствовала, что с последним ударом манекен все же с места снесла, а сама дальше носом полетела. Так бы и пропахала каменный пол, коли бы магик ее поперек живота не словил и в пространстве не выровнял.

— Хватит на сегодня, — посмеиваясь подытожил, посох у ней из рук забирая. Выглядела Весенья при том донельзя довольной, пусть и вся взмокшая от усердия, волосы растрепанные, покрасневшая, да только от глаз светящихся радостью неподдельной оторваться трудно было. Лесьяр даже на шаг назад отступил, осознав запоздало, что слишком уж долго на нее смотрит. — Потренируешься так несколько дней, а после расскажу, как силу не кругом расплескивать,

а только в удар вкладывать. Так и уходить меньше будет и чувствовать ее лучше научишься, а там снова с нитями попробуем.

Весенья кивнула, на все согласная. Сегодняшний успех сил и уверенности прибавил. Вчера еще она сетовала на себя, что неумеха такая, а сегодня вон все на лад пошло. Тепло, конечно, поднывало от усталости, да непривычной такой тренировки, да только Вешка все же деревенской была — дрова колоть, траву косить, да много чего еще делать самой приходилось, что физического усердия требует.

— Устала? — как бы между прочим, да заботливо так спрашивает, а сам при том на нее косится.

— Нет! — поспешно отозвалась Весенья, не желая признаваться, что у самой на деле руки то потряхивает.

— Завтра значит будем приемы отрабатывать. Заодно драться поучишься, а не просто впустую посохом размахивать, — сообщил магик, а сам все за ее реакцией следит. Но Весенья лишь согласно кивнула. А что? Это лишним тоже не будет, себя надобно уметь защитить. Али он все надеется, что она белоручка какая или лентяйка? Вот странный, она здесь уже две седмицы почти, а он все никак смириться не может, что просто так не уйдет она никуда.

— Спасибо за урок, Хозяин, — кивнула ему, нарочито довольная, что у магика улыбка тут же и скуksилась. Впрочем, озорной блеск в глазах не пропал.

— Ступай уже, ученица, — махнул рукой, девушку вы-

проваживая. Сам, стало быть, уходить то не собирался, видеть здесь Лесьяр упражнялся.

Весеню уговаривать не пришлось, да и в животе уже урчало, утром то не позавтракала, сразу к нему отправилась. Вспомнилось, что непоседы ее муку по всей кухне размели... убрали, интересно? Или еще чего натворить успели?

Успели... Вешка в кухню заходя за голову едва не схватилась. Потаньки в слезах все, красные теперь не только от природы, но и от усердия, размазывали муку по полу мокрыми тряпками. Та от теплой воды в клейстер превращалась, да забиваясь в щели вместе с пылью и застревала. Пол весь оказался покрыт тонкой липкой пленкой.

— Хозяюшка! — запричитали к ней подбегая, по лицу слезы растирая, вид имея виноватый донельзя, — мы ее моем-моем, а она только размазывается! Даже воду погорячее взяли, думали растает в ней, а она... — и чуть не волчатами завыли.

Вдохнула поглубже, глаза прикрыв. Вот ведь, бедовые!

— Это же вам не сахар, чтобы в воде растаять, — вымолвила обреченно, оглядывая масштабы бедствия, — ну и что делать теперь?

Потаньки только пуще завыли, понимая, что простым мытьем тут не отделаешься.

— Ну-ка не ревите, — шикнула на них Веша, — натворили делов, теперь исправлять надобно, а не слезы лить.

— Может ковром застелить? — предложил Славка, пята-

чок утирая.

— А потом, коли ковер испачкается, новый на него положить, а то придумали — чистоту поддерживать, убираться... — съязвила Весенья.

— А что, можно так? — и спросили то хором, засранцы.

— Нет! — возмутилась девушка, а воспрявшие на миг чертята вновь поникли.

— А знала бы бытовые заклятия, мигом бы вычистила, — послышалось из-под потолка насмешливое карканье.

— Если бы, да кабы — на луне б росли грибы, — не осталась в долгу, — вот как выучусь, тогда и буду мигом очищать. А сейчас придется по старинке, как обычные люди. А коли хочешь лепешек поклевать, можешь и помочь.

Но ворон только каркнул возмущенно, мол, ему?! Ворону Мраку, подручному Хозяину Топи полы мыть? И вылетел в открытую дверь.

— Вот и лети себе, — вслед пернатому выдохнула Веша, а после к бедокурам снова потянулась, по волосам их потрепала, — щетки несите, щелок и воду холодную в ведра налейте... — и когда те принялись указания выполнять, добавила еле слышно, — позавтракала...

Не удалось, впрочем и пообедать, время уже к ужину шло, когда они втроем все еще муку размоченную, а кое-где уже и засохшую, слипшуюся, выскабливали.

— Вы что же, весь мешок высыпали и по всей кухне его размазали? — Вешка так и села на полу, когда обнаружила,

что размокшая жижа еще и под шкафами кухонными засыхала.

Потанята промолчали и только усерднее тереть принялись. Веще же от отчаяния взвыть захотелось.

— Чем заняты? — вот магика им здесь еще и не хватало. Тот зашел в кухню и теперь непонятливо разглядывал собственные ноги, переминаясь с одной на другую. — Я думал, ты порядок будешь наводить, а не сильнее пачкать, — ядовито подметил, проверяя насколько сильно прилипают к полу подошвы.

— Хозяюшка не виновата! — тут же подскочили хвостатые, да под снисходительным взглядом магики стушевались.

— За вас тоже она ответственность несет. Я вас не звал, — отрезал строго, но глядя на уставшую троицу все же смиростивился. Рукой повел, пальцами странно пошевелив, все мигом и вычистилось, точно и не было. Вся кухня чистотой засияла.

Потаньки радостно заскакали, а после повернулись к Лесьяру:

— Блага тебе, Хозяин, прости нас, — и испарились, только щетки на полу и остались.

— Выбрала ты себе подручных, — Лесьяр к Весенью подошел, руку протягивая.

— Они сами выбрались, — пробурчала девушка, помощь принимая. Теплая ладонь потянула вверх, поднимая. Пальцы у Лесьяра на ощупь мозолистые оказались, не просто так,

видать посохом махал, привычен был к оружию.

— Договор тоже сами с тобой заключили?

— Ну не гнать же мне их было, они ведь как дети малые... и не злые, — попыталась оправдаться, но Лесьяр на нее так глянул, что дальше объясняться расхотелось. Прав был магик, что тут скажешь.

— Утром я в деревню собираюсь, так что встретимся после обеда, — сообщил погода и уже собрался снова уйти, но Вешка опередила:

— А мне с тобой можно? — выпалила и замерла. Ох, как ей кстати было бы к людям наведаться, одежды, да всякого разного прикупить.

— Это еще зачем, надобно что? — недоуменно спросил у нее, искренне так непонимающе воззрившись. Мрак, же, который с хозяином вместе в кухню возвратился, снова посмеиваться принялся.

— Девка с одной торбой к тебе явилась, а ты спрашиваешь.

Веша взгляд потупила. Неловко объяснять, что у ней даже исподнего одна только смена, не говоря уж о прочих девичьих штучках.

— Коли надобно чего — говори. Гребни какие, платья, ленты, в кладовой всего полно, конклав много чего присылает, не жалко, — предложил Лесьяр, а голос такой добрый, заискивающий, — даже золотишко есть, за так отдам, — а сам ей в лицо заглядывает, да снова ворожить пытается. Ве-

ша то почуяв головой замотала.

— Мне чужого, да за «так» не надобно, у меня свои деньги имеются, — строго так, магию его от себя отметая, — ты меня просто с собой возьми, а я уже там выторгую, чего мне нужно.

— Смотрите, гордячка какая, — хохотнул, но слышалось в том Весенье одобрение, — хорошо, коли хочешь — можешь со мной отправиться. К рассвету тогда будь готова.

На том и порешили.

— Кормить то будешь сегодня, хозяйюшка? — прокряхтел пернатый, когда Лесьяр из кухни ушел.

— Помочь тебя нет, а как покушать, тут как тут, обжора? — фыркнула Вешка. Мрак всегда первый к трапезе являлся, а есть заканчивал последним. За все эти дни они уже привыкли даже вечерами вчетвером собираться. Вешка, Славка с Зарькой, да Мрак. Ворон лепешки, да блины целиком заглатывал, один за другим, только подкладывать успевай, а потом довольно кряхтел, устраиваясь в старой меховой шапке на лавке у очага. Как-то Весенья спросила у ворона, чем же Лесьяр все же питается. Мрак ехидно предложил ей самой у того спросить, но Вешка не решилась. Порывалась пару раз позвать магика с ними потрапезничать, да не знала, в какой из комнат он живет. Теперь же... Теперь то она знала, где магова спальня, но лишний раз беспокоить его все равно было боязно. Хотя, признаться, магик оказался вовсе не таким уж злым кошмаром, коим его жители окрестных де-

ревень описывали. А может Веша его еще с других сторон не видела... Вот завтра и посмотрит, как он с другим людом себя ведет.

Глава 8

Денек выдался погожий — грех не порадоваться. Вешка и радовалась, улыбалась восходящему солнышку. Лучики его, уже остывшие к осени, не шибко грели, да все равно касались ласково, игриво вплетаясь бликами в медвяные волосы девицы. Поклонилась солнышку, да самой себе и миру кругом доброго утра пожелала.

— И тебе доброго, — раздалось позади внезапно. Веська подскочила, того не ждавши, и к магику обернулась. Неловкость алыми пятнами на скулах девичьих проступила, все же не привыкла, чтоб кто за ежеутренним ее ритуалом наблюдал.

— И давно ты здесь? — поинтересовалась осторожно.

— Да уж насмотрелся, как ты с лесом милуешься, — протянул магик, но беззлобно так, что Весенья вместо обиды и его улыбкой одарила, неуверенной такой, все еще смущенной, но что же теперь, если бабуса ее приучила миру утра доброго желать?

«Коли ты к миру с добром, он тебе его вдесятеро вернет,» — говаривала бабуса, поутру Вешку во двор выпроваживая. У них и другие ритуалы, да привычки имелись... В лес по грибы, да по ягоды идешь — обязательно дар какой возьми, а больше нужного из лесу не уноси. На рыбалку без нужды не хаживай, а рыбку выудив, речке «спасибо» скажи, да часть

улова животине лесной оставь на пути. Зверье лесное Вешка не раз выхаживала — оленят, да лосят без мамки оставшихся козьим молоком выкармливала, зайцев раненых залечивала, один раз даже лисица со сломанной лапой на пути попалась... Деревенские говаривали, что причуды это ненужные, что зверье лесное на то и дикое, чтоб самому по себе выживать, да разве могла Весенья мимо пройти?

— Готова лететь? — спросил Лесьяр, Вешку от мыслей отрывая. Сам сегодня снова иначе выглядел — балахон то привычный при нем, да только другой — темно-синий и серебром расшит в причудливых узорах, да рунах. Пальцы все перстнями увешаны с камнями разноцветными. На шее — цепочка с колдовским амулетом. А волосы длинные в низкий хвост на затылке убраны, отчего черты лица его еще более изысканными кажутся.

В ответ магику кивнула сперва, а после только сообразила: — Как лететь? Мы не пешком идем?

Мужчина же промолчал в ответ, только губы свои красиво очерченные в улыбку хитрую сложил, да рукой махнул, за собой зазывая. Пытаясь сомнения свои преодолеть, Вешка насупилась, но за Хозяином в башню пошла.

По лестнице поднялись на крышу, и здесь Веша замерла изумленно. Прямо посреди каменной площадки стояли деревянная ступа и прислоненная к ней метла.

— Это что же, в этом...? — все еще не веря, у магика спросила. Нет, слыхивала, конечно, что ведьмы, да ведьмаки

в ступах летают, да не видала никогда. Да и то больше на сказочки походило. Теперь же сказочка сия перед ней стояла.

— В этом, в этом, — Лесьяр ее еще и подтолкнул, чтоб не стояла столбом. Сам к ступе подошел, защелку отстегнул и боковина деревянная подобно дверце открылась, — прошу на борт, барышня, — еще рукой ее этак галантно пригласил.

Барышня сглотнула, да опасливо шагнула внутрь. Борт ступы ей до груди доходил, ухватила пальцами за край, чуя, как сердечко ритм свой ускоряет.

— А это безопасно? — спросила с надеждой, к Лесьяру оборачиваясь. Тот метлу за черенок взял и сам внутрь шагнул, створку закрывая. Расстояния между ними вовсе не осталось, чай только лист книжный пролезет. Теплом мужского тела обдало мигом, благо спиной к магику оказалась, иначе бы носом в грудь окаянному уткнулась.

— На ходу если выпрыгивать не станешь — безопасно, — а голос то какой веселый, точно потешается над ней.

Вешка вся сжалась, как можно дальше от тепла мужского сдвигаясь, да разве было здесь куда? Ступа на одного очевидно рассчитана. А магик, совести вовсе не имея, одну руку под ее просунул, да спереди за борт деревянный ухватился, от чего к ней вовсе прижатым оказался, да почти обнимаемая. Второй же рукой метлой взмахнул, точно подметая, и тут же Весенье уже не до телес его стало к ее прижатым. Земля из под ног, вернее из-под ступы, ушла стремительно, крыша башни осталась далеко внизу.

Закричала, не в силах сдержаться — первый раз на такой верхотуре оказалась, а кругом — пустота. Высоту набрали, что выше самого высокого дерева очутились, только птицы и молнии на такой обитают, да замерли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.